

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

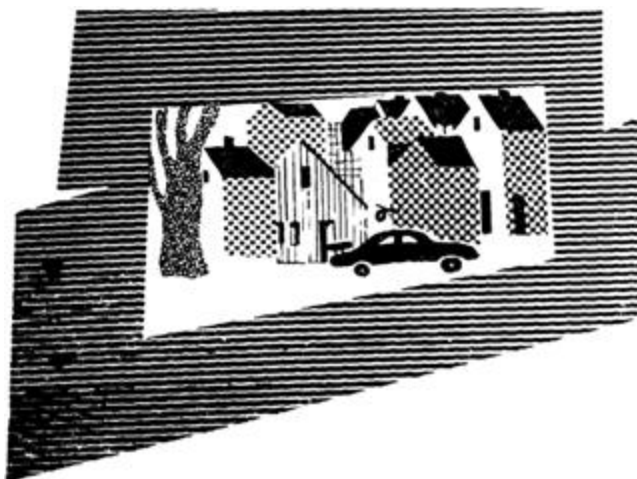
Annotation

Повесть бывших сотрудников НКВД и МГБ СССР Якова Матусова и Андрея Свердлова (сын крупнейшего государственного деятеля Я. М. Свердлова), впоследствии ставших писателями и опубликовавших под псевдонимом "Яков Наумов и Андрей Яковлев" ряд автобиографических произведений, в частности "Двуликий Янус", "Тонкая нить" и др. В повести рассказано о сложной работе чекистов весной и летом 1945г. в послевоенной Прибалтике. Опубликовано в журнале «Мир приключений», 1966, №12.

- [Я.Наумов, А.Яковлев](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Я.Наумов, А.Яковлев

КОНЕЦ ПОЛКОВНИКА ТУЛЬИСА

Было далеко за полночь, когда в кабинете подполковника Скворецкого внезапно зазвонил телефон.

“Кому еще я мог в такое время понадобиться?” — подумал Скворецкий, снимая трубку.

— Кирилл Петрович? — послышался голос начальника Управления. — Прошу зайти.

“Что могло случиться? Как будто ничего срочного не должно быть”, — размышлял Скворецкий по дороге к начальнику Управления.

Недоумение его рассеялось, едва он переступил порог кабинета.

— Вот что, — отрывисто бросил полковник, оторвавшись от лежавших перед ним дел, — придется тебе немедленно выехать в Москву. Вызывают. Сам знаешь, ты сейчас здесь вот так нужен, но... с начальством не спорят...

— Когда выезжать? — спросил Скворецкий.

— “Когда, когда”, — проворчал полковник. — Чем скорее, тем лучше. Сдавай дела и прямо утром отправляйся.

Через два дня Скворецкий был в Москве в Наркомате государственной безопасности.

— Садитесь, — пригласил Кирилла Петровича генерал и указал ему на кресло, стоявшее вплотную к столу, заваленному папками и бумагами. — Вы, кажется, партизанили на Смоленщине в первые годы войны?

— Было такое дело, партизанил. До сорок третьего, — улыбнулся подполковник.

— Вот и отлично, — подхватил генерал. — Значит, тактику партизанской войны, действия небольших подразделений в лесных условиях, диверсионную работу знаете. Ну, а чекистского опыта вам не занимать стать. Не так ли?

Скворецкий сдержанно молчал, пока еще не совсем понимая, к чему ведет этот разговор. Генерал тоже помолчал, пристально вглядываясь в выражение лица подполковника, и, выждав какое-то время, наконец сказал:

— Завтра выедете в Вильнюс. Там находится заместитель наркома. Войдете в состав возглавляемой им оперативной группы. Указания получите от него на месте. Вопросы есть?

Скворецкий поднялся. Какие могли быть вопросы?

В тот же день он выехал в Вильнюс. Сидя в переполненном, душном вагоне, Кирилл Петрович размышлял о предстоящем деле.

Еще раньше, до своего выезда из Смоленска, Скворецкий знал, что, хотя большая часть Советской Прибалтики уже освобождена от фашистских оккупантов (шел конец февраля 1945 года), хотя война перешла на территорию Германии и наши войска добивают гитлеровцев, в Прибалтике, и особенно в Литве, далеко не спокойно. Там до сих пор работает фашистская агентура вместе с националистами. Но характер этой деятельности и ее масштабы Кириллу Петровичу не были известны, поэтому многое из того, что он выяснил на месте, было для него неожиданностью.

Заместитель наркома принял подполковника сразу же после его приезда. Он рассказал о том, что почти ежедневно в Вильнюсе, Каунасе, в других городах и селах Литвы совершаются вооруженные нападения на советских и партийных работников. Стреляют в окна домов, из-за угла, устраивают засады, похищают коммунистов и комсомольцев. На стенах улиц в городах и даже в столице республики то и дело появляются листовки на литовском языке, отпечатанные типографским способом, с призывом к свержению Советской власти.

Конечно, подполье не так уж многочисленно, но, сознавая свою близкую гибель, идет на все, на самые отчаянные преступления.

— Да, — сказал заместитель наркома, заканчивая разговор, — есть и еще кое-что заслуживающее серьезного внимания. Нами перехвачена радиограмма, адресованная, судя по всему Абвером^[1], какому-то из своих корреспондентов, действующих в районе Вильнюса. Текст радиогаммы удалось расшифровать. Из него ясно, что германская разведка проявляет повышенный интерес к одному ничем не примечательному поселку невядалеке от Вильнюса. Это весьма тревожно.

— Почему? — спросил Скворецкий. — Если поселок никакого значения не имеет...

— В том-то и дело, что имеет, — перебил его замнаркома. — И немалое. Неделю назад возле этого поселка разместилась особо засекреченная войсковая часть. Из радиогаммы ясно, что немцы об этом знают. Как? Откуда? Очевидно, в районе поселка имеется их агентура, что-то узнавшая. Эту агентуру необходимо выявить и обезвредить. Вот эту задачу в первую очередь я и намерен возложить на вас и приданную группу работников. Конечно, совместно с литовскими товарищами. Так что не будем терять времени: беритесь за дело, свяжитесь с местным активом.

В тот же день Скворецкий познакомился со своими ближайшими помощниками. Их было несколько, но подполковник обратил внимание на двоих: майора Маженаса и капитана Аликаса.

Капитан Аликас был умен, превосходно владел собой, отлично разбирался в обстановке. Майор Маженас, как вскоре убедился Скворецкий, был несдержан и, кроме того, недостаточно глубоко понимал происходившие в Прибалтике события. Как показалось Скворецкому, Маженас и Аликас друг друга недолюбливали. Вскоре он убедился, что не ошибся. В основе их взаимоотношений лежала не только личная неприязнь, но и коренные расхождения в оценке оперативной обстановки и методов работы. Маженас никогда прямо не показывал свое отрицательное отношение к Аликасу, но старался скомпрометировать каждое его предложение, а Аликас большей частью молчал, зато если возражал, то высказывал все самому Маженасу.

Эти разногласия стали ясны уже на первом оперативном совещании у заместителя наркома. Майор горячо доказывал, что основными должны быть массовые операции: “прочесывание” войсками лесов, обыски в местечках и поселках, где произошли диверсионные и террористические акты, массовые аресты всех хоть сколько-нибудь внушающих подозрение. Только самыми активными следственными мероприятиями можно уничтожить подполье, утверждал Маженас. Предварительное расследование, до ареста подозреваемых, он отрицал начисто.

Совсем иное предлагал Аликас.

— Главная задача, — говорил он, — проникнуть в националистическое подполье, перекрыть каналы его связей и, ликвидировав головку, обезглавить подполье, а затем добить его по частям. Этим мы одновременно нанесем удар гитлеровской агентуре и лишим ее базы на литовской земле. А для этого надо как можно тщательней проводить предварительное расследование, а не аресты и допросы.

— Ваше мнение? — обратился заместитель наркома к Скворецкому.

— Я согласен с точкой зрения капитана Аликаса, — сказал Кирилл Петрович. — То, что он говорит, ясно любому мало-мальски толковому чекисту, — Скворецкий бросил сердитый взгляд в сторону Маженаса, — но беда в том, что предложение капитана еще как следует не продумано. “Проникнуть в центр националистического подполья”! Отлично! А как это сделать, каким образом? Я пока не вижу никаких конкретных путей решения этой задачи...

— Согласен, — кивнул головой заместитель наркома. — Поручим подполковнику Скворецкому и капитану Аликасу разработать план необходимых мероприятий.

Совещание закончилось. Скворецкого и Аликаса заместитель наркома попросил задержаться и подробно доложить, как обстоят дела.

Ничего утешительного подполковник рассказать не мог. За прошедшие дни в районе расположения части и в самом поселке случился ряд происшествий, подтверждавших предположение, что там орудует вражеская агентура. Так, однажды невдалеке от контрольно-пропускного пункта при входе в охраняемую зону был обнаружен подозрительный человек. Когда его пытались задержать, он стал

отстреливаться, а увидев, что положение его безнадежно, застрелился. Документов при нем никаких не оказалось, и труп остался неопознанным.

День спустя при выезде из расположения части взорвалась автоцистерна. Затем загорелись провода, ведущие к складу артиллерийских снарядов. Потом одновременно заболело несколько бойцов и офицеров части, — подозревали эпидемию. Причем заболели те офицеры и вольнонаемные, кто обедал в офицерской столовой, расположенной в поселке. Только после третьего или четвертого смертельного случая вскрытие обнаружило признаки отравления малыми дозами какого-то неизвестного нашим специалистам яда.

Но как, каким путем попадал яд в пищу? Кто это делал? Ответ на эти и многие другие вопросы должна была дать группа Скворецкого, но ответа пока не было, даже не было ничего, что помогло бы в розыске преступников.

— Скверно, — подвел итоги заместитель наркома, внимательно выслушав подполковника. — Совсем скверно. Что же вы предприняли, что намереваетесь делать дальше?

Скворецкий доложил, что ведется выборочная проверка населения поселка, особенно тех, кто работает в столовой и иных организациях, связанных с обслуживанием личного состава и техники воинской части. Пока, правда, ничего конкретного нет, но кое-что обнаружилось.

— А именно? — поинтересовался заместитель наркома.

— Выяснилась одна любопытная деталь. Оказывается, санитарным врачом в столовой офицерского состава работает местная уроженка Альдона Маренайте. Эта Маренайте до войны была активной комсомолкой, вступила в комсомол еще в годы подполья, до свержения сметоновского режима и провозглашения Советской власти. С вторжением гитлеровцев на территорию Прибалтики Маренайте эвакуировалась, затем вступила добровольцем в ряды Красной Армии, а некоторое время спустя в составе разведывательной группы была заброшена в тыл к немцам, в район Каунаса.

— Так, так. Что же дальше?

— А вот дальше и начинается самое интересное. Неизвестно, как и почему, но группа вскоре была обнаружена и все ее участники схвачены. Одних гестаповцы расстреляли, других бросили в лагеря и,

по имеющимся сведениям, они там погибли, а Маренайте... Альдону Маренайте гестапо отпустило, и никто ее вплоть до прихода наших войск не трогал. Когда пришли наши, ее вызывали в органы военной контрразведки, но она там заявила, что ни о причинах провала группы, ни о судьбе ее участников, равно и о том, почему ее освободили из заключения, ничего не знает.

Поскольку допрашивали Маренайте в первые дни после освобождения Вильнюса и данных о провале всей группы тогда не было, ее отпустили. На том все в то время и кончилось. Теперь мы решили присмотреться к ней попристальнее.

— Это единодушное решение всей вашей группы? — спросил заместитель наркома.

— Нет, — твердо сказал Скворецкий. — Не единодушное. Майор Маженас настаивал на немедленном аресте Маренайте. Мы с капитаном Аликасом отвергли это предложение.

— Что же, будь по-вашему. Но в случае чего... Головой ответите. Ваша нерасторопность может привести к новым жертвам. Так что делайте возможное и невозможное, но гитлеровская агентура в поселке должна быть выявлена и обезврежена. Теперь о вашем предложении, капитан Аликас. У вас есть какие-нибудь конкретные соображения? Как вы намереваетесь проникнуть в националистическое подполье, каким путем?

— Конкретных планов у меня пока еще нет, — смутился Аликас, — но таково, по-моему, должно быть главное направление нашей работы...

— Главное направление! — нахмурился заместитель наркома. — Это вы уже говорили. Но мало поставить задачу, надо найти пути ее решения. Вот этого я от вас и жду. Какой вам нужен срок, чтобы подготовить предложения?

— Я думаю... я полагаю, — замялся Аликас. — Месяц — полтора, раньше вряд ли успеем.

— Да, — поддержал его Скворецкий. — Тут есть над чем поломать голову. Раньше чем за месяц не успеем.

— Две недели, — решил заместитель наркома. — Две недели, вот вам мой срок. Больше дать не могу — время не терпит. Подумайте-ка над тем, не найдется ли связи между решением этих двух задач: ликвидацией вражеской агентуры в районе поселка и проникновением

в антисоветское подполье. Мне кажется, что эти задачи следует решать как единую. Так что думайте, думайте...

Следующие дни ничего нового не принесли, а спустя несколько суток, около трех часов пополудни, подполковник получил сообщение, что в 0 часов 45 минут юго-западнее Вильнюса обнаружен вражеский самолет, прошедший на высоте 400–500 метров в направлении поселка, где расположена секретная войсковая часть. Через несколько минут самолет повернул и ушел в сторону моря. Сбить его не удалось.

Было ясно, что самолет сбросил в районе поселка парашютистов, и Скворецкий тут же дал указание тщательно “прочесать” всю местность. Но это ничего не дало: в лесу задержали несколько человек, но все они оказались жителями близлежащих поселков и подозрения не вызывали.

Скворецкий поручил Аликасу съездить в поселок и привезти Маренайте, чтобы побеседовать с ней.

...В тот самый день, когда капитану было дано это поручение, Маренайте шла в соседний поселок, к своей родственнице. Настроение у девушки было мрачное. Да, сейчас война ушла далеко на запад и близка к полному окончанию. Советская Армия побеждает. Все это, конечно, так, а покоя, умиротворения на ее, Маренайте, родной земле все нет и нет. Вот и у них в поселке то появляется фашистская свастика на здании почты, то какие-то неизвестные открыли стрельбу по милиционеру, а теперь эти происшествия в воинской части. Уж не из-за них ли вчера до темноты местный актив кого-то или что-то искал в лесу? А может, это связано со слухами, что ползли последние дни по поселку? Рассказывали, будто несколько дней назад на деревню Цитаголяй нагрянула вооруженная банда и убила председателя земельного комитета. Называли даже (шепотом, конечно) имя главаря бандитов. Вернее, не имя, а кличку: “Черный барин”. Уж не этого ли “Черного барина” ищут? Все могло быть.

Нет, что ни говори — страшно! Страшно так жить, хотя войне вот-вот и конец.

Маренайте так задумалась, что не заметила, как тропинка привела ее к опушке леса. Вдоль опушки мирно паслись коровы, а пастушонок Ионас, парнишка лет пятнадцати, пристроился на пригорке и старательно строгал ножом какую-то палку.

Маренайте приветливо помахала рукой и направилась к нему. В этот момент среди деревьев мелькнула какая-то неясная тень. Мелькнула и пропала. Маренайте так и замерла на месте, с испугом вглядываясь в лесную чащу. Ионас перестал улыбаться и повернулся в сторону леса. А там, на опушке, появилась другая, до ужаса знакомая Маренайте фигура, также мгновенно пропавшая из виду. Маренайте с минуту постояла, осматривая опушку, но все было тихо. Девушка пристально посмотрела на Ионаса — заметил ли? — и нерешительно подошла к нему. Ионас с невозмутимым видом вновь принялся за свою палку.

— Здравствуй, Ионас, как дела?

— Все хорошо. А ты куда это собралась?

— Да вот думала тетку проведать, только теперь, пожалуй, не пойду. Как-нибудь в другой раз.

Нет, мальчик ничего не видел. Почему-то Маренайте стало спокойнее от этой мысли. Она простилась с пастушонком и повернула назад, к поселку. “Как быть, что делать? — лихорадочно думала она. — Заявить? Ведь странное поведение тех двоих на опушке — высунулись и пропали — явно неспроста. Кто они? Что им здесь надо? Почему прячутся? Уж... уж не из банды ли они этого самого “Черного барина”? И почему, почему такой знакомой показалась фигура этого, второго? “Он”?.. Но “его” же давно здесь, в Литве, нет. “Он” там, на Западе... Боже, что делать, что делать?..”

Маренайте спешила домой, ничего не замечая. Между тем, едва она скрылась из виду, Ионас поспешно вскочил, бросил недоструганную палку, сунул нож в карман, схватил длинный бич и оглушительно щелкнул, сбивая в стадо разбредшихся туда и сюда коров. Прошло несколько минут, и он уже гнал стадо к поселку.

Не отвечая на брань хозяек, раздраженных преждевременным возвращением скотины с пастбища, Ионас забежал домой, швырнул бич под крыльцо и, не говоря никому ни слова, припустился из поселка в уезд.

Ходьбы до уездного городишка было часа полтора, но Ионас почти всю дорогу бежал, и не прошло и часа, как он был в уездном отделе НКГБ.

Внимательно выслушав мальчика, дежурный по отделу тут же соединился с Вильнюсом, с подполковником Скворецким. Закончив разговор, он положил трубку и попросил Ионаса задержаться.

Скоро возле здания уездного отдела НКГБ остановилась машина, из которой вылезли Скворецкий, Аликас и трое автоматчиков (иначе в ту пору ездить вечером и ночью по дорогам Литвы было рискованно). Ионас дословно повторил Скворецкому все, что сообщил дежурному о двух неизвестных, замеченных им на опушке, а также о странном поведении жительницы поселка Маренайте, явно видевшей неизвестных и старательно пытавшейся это скрыть. Он рассказал, что неизвестные выглянули из леса одновременно с тем, как появилась Маренайте, а та шла в сторону леса (говорит — к тетке!), потом она вдруг повернула и чуть не бегом кинулась обратно, в поселок.

— Молодец, Ионас, — похвалил его подполковник. — Ты — настоящий патриот! И глаз у тебя зоркий, и наблюдательность есть. Молодец! Значит, ты уверен, что тех двоих никогда ранее не видал, что они не из ваших мест?

— Уверен, — ответил Ионас. — наших я всех знаю, да и чего бы им в лесу прятаться? Зачем?

Еще раз похвалив мальчика, подполковник строго-настрого наказал ему молчать обо всем происшедшем и продолжать свои наблюдения.

— Как же ты домой доберешься? Ведь совсем темно? — спросил Скворецкий.

Ионас пожал плечами:

— А что такого? Мне не впервой...

— Верю, — согласился Скворецкий, — но сегодня, после всего, что произошло, я тебя одного отпустить не могу. Забирайся в нашу машину, мы тебя мигом доставим на место.

Видно было, что это предложение пришлось Ионасу как раз по душе, еще бы — прокатиться на машине с военными! И все же он рассудительно возразил:

— Нельзя! Как в поселок въедем, все сразу заметят. У нас машины — редкость.

— Уж так и редкость? — усмехнулся Скворецкий. — А в воинскую часть, что недалеко от поселка, машины совсем не ходят?

— Туда-то ходят...

— Ну вот мы и поедем вроде бы в воинскую часть, а тебя по пути незаметно высадим. Подойдет?

В то время, когда Ионас добирался до уездного НКГБ, беседовал с дежурным, ждал Скворецкого, Маренайте в полной растерянности сидела в своей комнате. Прошел час, другой, а она никак не могла ни на что решиться, наконец вскочила и начала быстро переодеваться. Решение было принято: пойти в уезд и все рассказать.

Маренайте спешила: ведь на улице уже опустились сумерки, наступил вечер, а до города конец не малый.

Маренайте как раз заканчивала сборы, когда в дверь ее комнаты кто-то осторожно постучал.

— Кто там? — испуганно спросила Маренайте. — Кто?

— Это я, — послышался приглушенный голос. — Узнаешь? Открой же...

— Ты... — задохнулась Маренайте. — Ты?

Она так и замерла на месте, не в силах сделать хотя бы шаг, а стук в дверь повторился — настойчивее, чуть громче. Маренайте вздрогнула. Ей показалось, что стук гремит пулеметной очередью, что его слышит весь дом, весь поселок. Она метнулась к двери и, все еще не веря себе, распахнула ее — ошибки не было ни теперь, ни тогда, на опушке. Перед ней стоял Эйдукас — Валентинас Эйдукас. Живой и невредимый. Маренайте быстро втащила его за рукав в комнату, захлопнула дверь, повернула ключ на два оборота и сразу же погасила свет.

...Судьба впервые свела Маренайте с Эйдукасом при странных и трагических для нее обстоятельствах. Случилось это около трех лет назад, летом 1942 года, после того как Маренайте была заброшена в составе разведгруппы в Литву. Приземлились все участники разведгруппы удачно, быстро нашли друг друга и, не теряя времени, порознь направились в Каунас по имевшимся у каждого явкам.

Последующая связь между ними, места встреч, явки, задачи каждого — все было продумано и обусловлено заранее. Однако все оказалось напрасно, несколько дней спустя после прибытия в Каунас Маренайте арестовали. То ли кто-то ее выдал, то ли выследили, она не знала: ее схватили прямо на улице и приволокли в гестапо. Как вскоре ей стало ясно, такая же судьба постигла и ее товарищей по разведгруппе. Скорее всего, кто-то из них попался первым, может, и случайно, не выдержал пыток и выдал остальных. На первых допросах Маренайте тоже били, били жестоко, но она молчала, категорически отрицая свою принадлежность к разведгруппе. Затем на какое-то время ее оставили в покое: держали в камере, не вызывая на допрос. Потом снова вызвали. Следователь был новый, и переводчик новый. Переводчиком был Эйдукас.

Эти ее не били: они вели себя корректно, даже ласково, уговаривая Маренайте добром во всем признаться, выдать “партизан”, которых она знала.

Допросы шли день за днем, но Маренайте по-прежнему все отрицала: нет и нет, никого, никаких партизан она не знает и сама к этому нисколько не причастна.

Эйдукаса Маренайте поначалу возненавидела. Он ей был более ненавистен, чем даже следователь. Еще бы: тот — немец, враг, его еще можно понять, а этот — литовец, свой, и продался врагам собственного народа!

Однако, чем дальше тянулись допросы, чем внимательнее присматривалась Маренайте к следователю и переводчику, тем больше ее тревожила мысль, что с Эйдукасом все не так-то просто. Нет, он ей не дал никакого определенного повода что-либо заметить, но нет-нет, а она ловила на себе какой-то тревожный, изучающий — с каждым новым допросом ее уверенность в этом росла, — сочувственный и доброжелательный взгляд.

А его перевод вопросов, которые ставил следователь? Не раз он переводил их так ловко, что вроде бы текстуально передавались слова следователя, а на деле в самом вопросе содержался намек, тонкий и умный, на то, как и что следует отвечать. Маренайте поняла это, так как владела немецким языком, что тщательно скрывала. С каждым новым допросом у Маренайте крепла уверенность, что Эйдукас ведет

какую-то игру — игру тонкую, опасную, рискованную. Но зачем? С какой целью? В чьих интересах?

Все разъяснилось, когда весной 1943 года Маренайте внезапно выпустили из тюрьмы. Взяли и выпустили, не потребовав взамен никаких услуг. Единственно, что ей сказали, это чтобы она вернулась в поселок, лежавший на полпути между Каунасом и Вильнюсом, где жила ее мать и никуда оттуда не выезжала.

Недели две спустя в поселке внезапно появился Эйдукас и пригласил Маренайте прогуляться. Она не посмела ему отказать. Когда они углубились в лес, Эйдукас взял ее под руку и внезапно сказал:

— Вы должны мне помочь. Помочь... связаться с партизанами. Только на вас моя надежда...

Маренайте отшатнулась. “Подлец, — мелькнула мысль. — Какой подлец! Так вот зачем они меня выпустили. Как приманку...”

Очевидно, Эйдукас по выражению ее лица понял ее мысли и горестно усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — вы неправильно меня поняли. Я говорю с вами не по поручению гестапо. Если они узнают об этом разговоре, мне конец. Я рискую головой, но иного выхода у меня нет. Ну как, как заставить вас мне поверить? — с мукой в голосе воскликнул Эйдукас. — Я расскажу вам, как стал переводчиком гестапо, может, тогда вы меня поймете.

— Нет, зачем же? — упрямо стояла на своем Маренайте. — Все равно я никого и ничего не знаю.

И все же Эйдукас заставил себя выслушать. По его словам, было ему двадцать девять лет, на пять больше, чем Маренайте. Родился и вырос он в Каунасе, в семье рабочего. Сам по профессии радиотехник. Однако с середины тридцатых годов, задолго до того, как народ сверг Сметона, потерял работу. Потянулись месяцы безработицы. А тут еще умер отец. У Эйдукаса на руках остались мать и маленькая сестренка.

Помучившись около года, он в поисках работы решил эмигрировать в Германию. Фашистская Германия нуждалась в рабочих руках, и Эйдукасу удалось устроиться в Гамбурге. Правда, не по специальности. Портовым рабочим. Но па жизнь он зарабатывал, и матери мог кое-что посылать. Только было уже поздно: мать вскоре умерла, а за ней и сестренка.

В Гамбурге Эйдукас многое понял. Он сблизился с коммунистами, начал выполнять отдельные поручения партийного подполья. Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь дальше, если бы в 1940 году по договору между СССР и Германией не началась взаимная репатриация немцев из Прибалтики и литовцев, латышей, эстонцев из Германии на родину. С какой радостью возвращался Эйдукас в родной Каунас, ставший теперь советским!

Вскоре ему удалось разыскать кое-кого из старых друзей, устроиться на работу. Все было бы хорошо, только не было ни матери, ни сестры... Но рано или поздно жизнь бы устроилась, если бы весной 1941 года Эйдукаса внезапно не арестовали, предъявив ему обвинение в шпионаже в пользу фашистской Германии и домогаясь признания в таких делах, о которых Эйдукас и понятия не имел.

И надо же так случиться, что соседом Эйдукаса по камере оказался полковник Тулбис, крупный националист в буржуазной Литве. Человек он был культурный, образованный, держался с Валентинасом просто, по-своему, в определенном свете разъясняя и растолковывая все происходящее. Он говорил, что сейчас идет “русификация Литвы”, что “русские истребят всех литовцев и заселят литовские земли русскими мужиками”, которые затопчут и уничтожат вековую литовскую культуру, уничтожат все, чем жил и гордился литовский народ, литовский язык будет запрещен.

Эйдукас пытался возражать, спорить: около года он прожил в Советской Литве и видел, что хозяин в ней — народ, литовский народ. Но полковник иронически усмехался: хозяин - народ? А ваш арест? Мой арест? А сколько литовцев еще арестовано, будет арестовано? Тысячи? Десятки, сотни тысяч? Вы это знаете? У вас следователь кто? Литовец? Ах, русский?.. Так, так. У меня — тоже. Русский. (Между прочим, дело Тулбиса вел литовец, но полковник об этом умолчал.)

Война застала Эйдукаса и Тулбиса в тюремной камере. В первые же дни их поместили в эшелон, чтобы эвакуировать на Восток, но невдалеке от Каунаса эшелон разбомбили. Тулбис, Эйдукас и еще несколько заключенных, бежавших из эшелона, очутились в глухом лесу, где день спустя натолкнулись на группу вооруженных людей. Это оказались литовские фашисты, националисты, с нетерпением поджидавшие гитлеровцев. Их главарь узнал Тулбиса.

— Господин полковник! — вскричал он. — Какое счастье! Откуда вы, какими судьбами?

Тулбис приосанился, распушил усы, подбоченился. Сейчас он мало напоминал того скромного, приветливого человека, к которому привык Эйдукас в тюремной камере. Впрочем, к нему, Эйдукасу, полковник продолжал относиться неплохо, правда, в тоне и манере разговора появились снисходительные, покровительственные нотки.

Прошло несколько дней, и фашисты, переименовавшие себя в “отряд Тулбиса”, вышли из леса и вернулись в оккупированный Каунас.

При прощании Тулбис сказал Эйдукасу, что не забудет своего молодого коллегу по несчастью...

А Эйдукас? Он ничего не понимал, голова его шла кругом. Что делать? С кем идти? С Тулбисом и его шайкой, с немецкими захватчиками? Но они же враги родины, враги литовского народа. Это очевидно! Достаточно Эйдукас наслушался за последние дни, да и раньше, насмотрелся на дела немцев и их пособников.

С литовским народом, который плечом к плечу с русскими сражается против немецких захватчиков? А арест? Да и где они, советские литовцы, где русские?

Эйдукас пытался работать — жить-то надо! — но ничего не получилось. А несколько дней спустя к нему явился офицер-литовец и доставил его к Тулбису.

Полковник встретил своего бывшего соседа по камере с распростертыми объятиями и, не дав ему сказать двух слов, заявил, что устроил все его дела.

— Вас берут на работу, и не куда-нибудь, а в гестапо, — торжественно заявил полковник. — Переводчиком. По моей, конечно, рекомендации. Шеф каунасского гестапо — мой друг, так что все в порядке. Нет, нет! — Он сделал протестующий жест. — Не благодарите. Можете быть уверены, что я и дальше вас не обойду своим вниманием.

Эйдукас и не собирался благодарить: сначала он хотел отказаться, но, охваченный каким-то тупым равнодушием, махнул рукой: гестапо так гестапо, переводчиком так переводчиком. Ему все было безразлично.

Так началась работа Эйдукаса в гестапо.

Прошло несколько дней, и словно пелена спала с глаз Валентинаса. Он содрогнулся от ужаса и отвращения: куда он попал? Нет, бежать, немедленно бежать. Бежать от этой банды садистов и палачей. Но потом он одумался: бежать, конечно, можно, однако самое ли это правильное? Уж если удалось очутиться в гестапо, работать здесь, надо попытаться использовать свое положение в интересах Родины. На этом Эйдукас и порешил, а решив, начал действовать. Он запоминал все становившиеся ему известными факты, старался чем мог облегчить участь тех, кто попадал в лапы гестаповцев, и искал, все время искал связей с советским подпольем — а что такое подполье существует, Эйдукас ни минуты не сомневался. Да и фактов тому в подтверждение было предостаточно. Особенно если работаешь в гестапо...

Задача, взятая на себя Эйдукасом, оказалась нечеловечески тяжелой: каждый день присутствовать при пытках и истязаниях людей, чья жизнь была ему теперь в тысячу крат дороже собственной, все это требовало адского напряжения сил, воли, разума, и сердце Эйдукаса исходило кровью. При этом нужно было беспрерывно маневрировать, так вести перевод, чтобы хоть чем-то облегчить участь очередной жертвы, ничем не выдав себя. Правда, отсидка в тюрьме “при большевиках” служила Эйдукасу неплохой визитной карточкой, а тут еще покровительство полковника Тулбиса, ставшего при нацистах вновь крупной фигурой. Одним словом, Эйдукасу пока удавалось благополучно выходить из всех переделок, в которых он оказывался, но вот связь с подпольем... Тут у него ничего не получалось. Да и как, с кем он мог связаться? Если Эйдукас и узнавал кого-либо из участников подполья, так только тогда, когда они оказывались на допросе. Арест Валентинаса советскими властями перед войной и работа в гестапо служили ему плохую службу при попытках завязать связи с тем, кто был на воле и мог, по его предположению, участвовать в подпольной работе.

Таково было положение Эйдукаса, когда он впервые увидел на допросе Маренайте. Она попала в руки опытного гестаповца, славившегося особым искусством добиваться признания от арестованных, причем действовал он особо тонкими, изощренными методами, редко прибегая к пыткам. Он “психологически” обрабатывал свои жертвы и никогда не без успеха.

Едва увидев Маренайте, в самых беглых чертах ознакомившись с ее делом, Эйдукас понял: вот она! Вот человек, который поможет ему связаться с подпольем. Только как добиться ее освобождения, как выволить из застенков гестапо?

Эйдукас проявил чудеса ловкости и изобретательности. Зная намерения и планы следователя, он постепенно убедил того, что Маренайте может стать отличным “маяком”, на который выйдут партизаны, стоит только ее освободить и поселить на постоянное местожительство.

Такова была история освобождения Маренайте из гестаповских застенков. И вот теперь, посетив Маренайте в поселке, Эйдукас рассказал ей всю эту историю и рассказал о себе, о своих планах, намерениях. Он умолчал лишь об одном: с первых допросов гордая девушка, так смело, так бесстрашно державшаяся, произвела на Эйдукаса неизгладимое впечатление. Чем ближе он к ней приглядывался, тем очевиднее ему становилось, что он любит ее, что Маренайте ему дороже всего на свете. Вот об этом-то и умолчал Валентинас при первом, после освобождения Маренайте из гестапо, разговоре. Но как раз об этом Маренайте давно догадалась сама и, что самое страшное, Валентинас не был ей противен. Это было ужасно, отвратительно, она сама казнила себя, но... ничего не могла с собой поделать. Вот и тогда, в тот памятный весенний вечер 1943 года, слушая взволнованный, страстный рассказ Эйдукаса, она и верила ему, всем сердцем хотела верить, и не верила, не позволяла себе верить...

Так этот разговор и закончился ничем: Маренайте не дала Эйдукасу никакого ответа., категорически отрицала свою связь с разведывательной группой в прошлом, связь с партизанами. Впрочем, сейчас у нее никаких связей с подпольем действительно не было. Но если раньше, сразу по выходе из тюрьмы, Маренайте искала такие связи, то теперь, после этого разговора, она твердо решила: нельзя. Никаких связей. Никакого подполья. Это — страшно, невыносимо, вот просто так жить, ни на что не надеясь, ничего не предпринимая, но иного выхода у нее нет. Как бы ни хотелось ей верить Эйдукасу, она не имеет права рисковать чужой жизнью, рисковать судьбой тех, кто ведет тайную борьбу против фашистов.

Решение было принято. Маренайте не только не предпринимала никаких попыток возобновить связи с подпольем, но всячески

сторонилась тех, кто, по ее предположению, мог иметь такие связи.

С Валентиной у них установились странные отношения: он часто приезжал к ней, они вместе гуляли, много разговаривали. Их дружба и взаимная приязнь росли. Они уже не могли скрывать друг от друга своих чувств, но как только он заговаривал о партизанах, девушка замолкала и сторонилась Валентинаса.

Тогда, воспользовавшись помощью полковника Тулбиса, не оставлявшего его вниманием, Эйдукас ушел из гестапо.

А время шло... Советская Армия перешла в решительное наступление на всех фронтах, гнала фашистов за пределы Родины.

Близился час освобождения Прибалтики.

Что было делать Эйдукасу? Как он посмотрит в глаза настоящим патриотам? Одно дело быть партизаном, и совсем другое — предстать перед честными людьми в облике фашистского прихвостня, бывшего переводчика гестапо... Кто ему поверит, если не верит до конца даже Маренайте, единственный близкий ему на земле человек!

А тут Тулбис... Полковник снова вспомнил о своем бывшем соседе по камере, и Эйдукас, едва успев проститься с Маренайте, очутился на западе Германии, в окружении полковника.

Маренайте тоже было нелегко. Гитлеровцы были изгнаны из Литвы, вернулась Советская власть. Радость Маренайте была безгранична. Но ей, ей, Маренайте, что было ей делать? Кому рассказать всю историю с Эйдукасом, и кто этой истории поверит, особенно когда он бежал с немцами. А как иначе объяснить свое освобождение из гестапо, свое бездействие на протяжении без малого двух лет? Нет, выхода она не видела, продолжала жить замкнуто, правда, устроилась работать в офицерскую столовую, организованную в поселке. Но что из того?.. И вот теперь, несколько месяцев спустя после освобождения Литвы, Эйдукас опять здесь, у нее в комнате. Не с хорошими, видно, намерениями он вернулся, иначе зачем бы ему прятаться в лесу, сторониться людей? Где правда? Где ложь? Как во всем этом разобраться?

Эйдукас торопился поведать Маренайте свою историю. Да, как она знает, перед приходом советских войск в Литву он бежал с полковником Тулбисом на Запад. Там они устроились в Любеке, на северо-западе Германии. Что хочет Тулбис, на что он надеется, Эйдукас не знает и не желает знать. Несколько дней назад полковник

предложил Эйдукасу побывать в Литве, выполнить кое-какие его поручения. Эйдукас согласился. Почему? С единственной целью — повидать Маренайте и увезти ее с собой. За эти месяцы он понял, что жить без нее не может, что надо им вместе перебраться на Запад, а там все как-нибудь устроится. Как-нибудь...

Что? Остаться без родины? А разве у него есть родина, разве он не потерял право считать себя литовцем? И ей, Маренайте, вряд ли намного лучше. Что ждет ее здесь, что принесет ей завтра? Ничего хорошего. Там же они, по крайней мере, будут вместе.

Как он попал сюда? Как перешел фронт? Какое задание получил от Тулбиса? Стоит ли об этом говорить?! Все равно он выполнять это задание не собирается. Впрочем, от Маренайте секретов у него нет. Его, Эйдукаса, и еще одного человека перебросили на самолете, потом — парашют. Ему поручено передать небольшой чемоданчик, содержимого которого он не знает, человеку по кличке “Черный барин”. Дана явка, пароль.

“Черный барин”! Услышав эту кличку, Маренайте вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил Эйдукас. — Тебе известно это имя?

— Известно, — тихо проговорила Маренайте. — Это... это бандит, изувер, убийца. И с этим негодяем ты намерен встретиться?

— Родная моя, да ты ровно ничего не поняла. Я же тебе говорю, что не намерен выполнять заданий полковника Тулбиса, пропади он пропадом со своими подлыми делами. Я пробрался сюда за тобой, только за тобой, и ничего больше мне не нужно. Но Тулбис помог мне добраться сюда и указал путь обратно, чем я и намерен воспользоваться, вот и все. Чемодан же я бросил в лесу, закопал, и никому его передавать не собираюсь, что бы там ни было.

— Так, — сказала Маренайте, и Эйдукас в темноте не заметил, какая глубокая складка легла у нее между бровей. — Значит, так... Ты можешь дать мне сутки на размышление, на сборы, если я решу отправиться с тобой? У тебя есть где укрыться?

— Найду, — обрадованно сказал Эйдукас. — Решила? Маренайте, милая...

— Пожалуй, решила, — задумчиво проговорила Маренайте. — А теперь иди, не то скоро мать вернется. Она не должна тебя здесь видеть. И возвращайся завтра. Попозже вечером. Буду ждать. Обязательно возвращайся...

Как только дверь за Эйдукасом закрылась, Маренайте сжала ладонями виски и уперлась лбом в стену. До чего же болит голова, просто разламывается! Да, она решила, решила все, не колеблясь, как бы ни было мучительно это решение, чем бы оно ни грозило. Но как ей быть? Как поступить? Выйти на улицу нельзя, это ясно. Быть может, где-нибудь вблизи притаился Эйдукас или этот второй, с самолета (кто он, кстати, зачем пробрался в Литву, Эйдукас так и не сказал), и следят за каждым ее шагом. Скорее, ох, скорее бы пришла мать!..

Скворецкий и Аликас ссадили Ионаса невдалеке от поселка, как и обещали. В воинскую часть они ехали неспроста. Еще во время беседы с пастушонком Кирилл Петрович подумал: откладывать далее беседу с Маренайте нельзя. Он решил провести беседу этим вечером, в расположении воинской части. А там видно будет...

Договорившись с командиром части, Кирилл Петрович отправил Аликаса за Маренайте в поселок.

Без труда найдя дом, в котором жила девушка, Аликас постучал. Дверь тут же распахнулась, словно этого стука ждали. На пороге стояла Маренайте.

— Простите, — сказал капитан, — мне нужно видеть Альдону Маренайте.

— Это я, — ответила девушка, пропуская Аликаса в комнату. Было заметно, что она чем-то взволнована. Голос ее дрожал.

— Моя фамилия Аликас, капитан Аликас. Из НКГБ. Вот мое удостоверение. (Капитан был в штатском.)

— Вы из НКГБ? Так быстро? Как вы успели?

— Почему успел? Разве вы меня ждали? — удивился Аликас.

— Ну конечно же, ждала!

Чего-чего, а этого Аликас никак не ожидал. Почему она ждала его? Надо это выяснить, не подавая вида, что он ничего не понимает. Но выяснять ничего не пришлось: не ожидая расспросов, Маренайте тут же рассказала, что около часа назад она отправила свою мать в уезд, в НКГБ, с просьбой поскорее прислать к ней кого-либо из

сотрудников. Она должна сделать важное заявление, но сама выходить из дома не решается. Естественно поэтому, что она ждала кого-нибудь из НКГБ, но не так скоро. Как могла ее мать так быстро дойти до уезда? Где, наконец, она сама? Почему не вернулась с товарищем, за которым ходила?

Аликас не считал нужным все объяснять девушке.

— Ну, о матери вы не беспокойтесь, она с минуты на минуту вернется, — сказал он, — а вот как быть с вашим заявлением, которое вы считаете нужным сделать? Не лучше ли нам побеседовать не здесь, а по соседству, в воинской части, тем более что там ждет один ответственный работник НКГБ, который также хотел бы принять участие в нашей беседе?

— Честно сказать, — вымученно улыбнулась Маренайте. — Я боюсь выходить на улицу. Поэтому и не пошла сама в уезд, а попросила маму... Меня могут заметить, и тогда... Тогда всякое может случиться.

— Заметить? Кто может вас заметить? — искренне удивился Аликас. — Что может случиться?

— Вот об этом-то я и собираюсь рассказать...

— Знаете, — решил Аликас, — сейчас на улице такая темь, что если мы будем действовать осторожно, никто, кто бы вас ни караулил, ничего не заметит. Рискнем?

После непродолжительного колебания Маренайте согласилась, и через двадцать минут она уже сидела перед подполковником Скворецким и Аликасом. Чуть подавшись вперед, тесно переплетя пальцы, чтобы унять дрожь в руках, Маренайте рассказывала.

Она говорила спокойно, и только побледневшие губы, морщины, бороздившие ее лоб, да частое, затрудненное дыхание выдавали ее волнение.

Маренайте рассказывала обо всем: о том, как была заброшена в тыл к немцам, как оказалась в гестапо, как встретила там Эйдукаса и что произошло дальше. Она объяснила, почему после освобождения из тюрьмы отказалась от попыток установить связь с подпольем, говорила о своем двойственном отношении к Эйдукасу: можно было ему верить или нет? И вот теперь он снова здесь. Он был у нее. Сегодня...

— Скажите, — спросил в упор Скворецкий, — вы любите Эйдукаса.

— Да, — твердо ответила девушка. — Люблю.

— И все же?..

— И все же я пришла к вам. Иначе я поступить не могла.

— Спасибо. — Скворецкий встал из-за стола и пожал руку Маренайте. — Спасибо за откровенность, за доверие. Так когда будет у вас Эйдукас? Завтра? Как же нам с ним следует поступить?

— Я думаю, что его надо арестовать. За этим я и пришла к вам. Нельзя оставлять его на свободе, позволить ему выполнять задания фашистов, врагов...

— Ну, насчет ареста мы подумаем, а что касается заданий — вы правы. Он не должен их выполнить, да, судя по вашим словам, он и сам не собирается этого делать. Одним словом, вы ведите себя таким образом, будто ничего не произошло. Если Эйдукас завтра у вас появится, постарайтесь еще оттянуть время отъезда. Хотя бы на день, на два. Сможете? Ну, если сможете, вот и отлично. Остальное — наша забота. Условились?

Проводив Маренайте до дома, Аликас и Скворецкий выехали обратно в Вильнюс.

“Тулбис, Тулбис, — думал Аликас, устроившись на заднем сиденье вездехода, спешившего с полуприкрытыми фарами в Вильнюс. — Вполне возможно. Что полковник Тулбис играл видную роль при фашистах, нам известно. Вот он куда попал после изгнания немецких оккупантов, в Любек! И, конечно, не сидит сложа руки. Весьма вероятно, что он тоже в числе руководителей националистов занимает видное положение.

Едва они очутились в кабинете Скворецкого, Аликас поспешил поделиться с Кириллом Петровичем своими размышлениями. Имя полковника Тулбиса было известно и подполковнику, но он, конечно, не располагал и десятой долей тех сведений, какими сейчас поделился с ним Аликас. Судя по всему, предположения капитана о причастности Тулбиса к деятельности антисоветского националистического

подполья не лишены основания, и Скворецкий все с большим интересом думал об Эйдукасе и о рассказе Маренайте. Сейчас план дальнейших действий становился более очевидным.

Выслушав доклад подполковника, заместитель наркома одобрил намеченный Скворецким план.

Следующим вечером, едва начало темнеть, Скворецкий и Аликас, оба в штатском, пришли к Маренайте. Самый дом, все подходы к нему тщательно охранялись.

Девушка встретила неожиданных гостей с недоумением, но когда Кирилл Петрович рассказал ей о своих намерениях, лицо Маренайте озарила радостная улыбка, и она заверила подполковника, что сделает все возможное.

Маренайте, Аликас, Скворецкий уселись за стол, и Кирилл Петрович, за чашкой кофе, принялся расспрашивать девушку о пережитых ею годах оккупации, о том, как Эйдукас вел себя во время работы в гестапо, о его взаимоотношениях с полковником Тулбисом. Беседа шла так непринужденно, так деликатно, что терявшаяся и смущавшаяся вначале Маренайте быстро освоилась и отвечала легко, даже порой весело, хотя разговор шел о далеко не веселых вещах. Но постепенно, когда темнота за окнами начала сгущаться, Маренайте стала отвечать невпопад. Она вздрагивала при каждом шуме, доносившемся с улицы, бросала испуганные взгляды на дверь.

Часов около десяти раздался тихий стук. Маренайте поспешно выскочила из-за стола и распахнула дверь. Аликас встал чуть сбоку, возле притолоки, чтобы оказаться за спиной вошедшего. Эйдукас (это был он) отпрянул, увидев в комнате посторонних, но Маренайте крепко взяла его за руку:

— Входи, Валентинас, входи, тут чужих нет. Это — друзья.

Растерянно оглядываясь по сторонам, Эйдукас вошел в комнату и направился к столу. Аликас — за ним. Маренайте села рядом с Эйдукасом и, пристально глядя ему в глаза, повторила:

— Это — друзья. Товарищи из Наркомата государственной безопасности...

— Друзья! — попытался вскочить Эйдукас. — “Товарищи” из НКГБ!.. Ты... ты...

— Успокойся, — мягко удержала его Маренайте.

— Успокойтесь, — повторил Аликас — Нам просто захотелось побеседовать с вами По душам. Разве вы не считаете, что это давно пора сделать?

Трудно сказать, что произвело на Эйдукаса большее впечатление: дружелюбный ли тон Аликаса, или то, что говорил он на родном Эйдукасу литовском языке, или ласковый жест Маренайте, по он не пытался больше подняться, медленно придвинулся к столу и глухо сказал:

— Ну что же, спрашивайте...

— Зачем же так, — с укоризной сказал Скворецкий, — вот как раз спрашивать, или, если хотите, допрашивать, мы и не хотели бы. Мы ждем от вас, от вас самого — поймите, это очень важно, — самого подробного рассказа обо всем, о чем вы считаете нужным сообщить. И, если не возражаете, будем говорить по-русски, ибо, честно признаюсь, в отличие от вас троих литовским я не владею.

— Хорошо, — сказал Валентинас, — я расскажу. Может, вы и правы. — Он повернулся к Аликасу: — Может, это давно надо было сделать...

С минуту Эйдукас помедлил и начал свой рассказ с того, как и с каким заданием направил его в Литву полковник Тулбис.

— Простите, — перебил его Скворецкий, — начинать лучше не с этого. Это — следствие, результат происшедшего ранее. Расскажите лучше, как вам жилось в буржуазной Литве, до 1940 года...

— Хорошо, — согласился Эйдукас. — Начну с этого.

...Было уже за полночь, когда Эйдукас кончил свой рассказ. Он не утаил ничего: ни своего ареста в 1941 году, ни мыслей и настроений, порожденных этим арестом, ни взаимоотношений с полковником Тулбисом (об этом Скворецкий расспрашивал особенно подробно), ни службы в гестапо, ни явок и паролей, которыми снабдил его Тулбис перед выездом в Литву.

— Скажите, — спросил Скворецкий, — вы могли бы найти место, где зарыли чемодан? Кстати, он предназначался только “Черному барину” или был и запасный вариант?

— Был и, как вы говорите, запасный вариант, — сказал Эйдукас. — Если мне почему-либо не удалось бы вручить чемодан “Черному барину”, я должен был передать его своему спутнику по полету. А найти чемодан я найду. Только днем. Ночью — вряд ли.

— Хорошо. Еще вопрос: кто был тот, второй, ваш спутник?

— Я его не знаю, знаю только кличку — “Джокер”. И заданий, с которыми он прибыл, тоже не знаю. Мы должны были с ним встретиться в следующий понедельник в Вильнюсе. — Эйдукас назвал место и время встречи.

— А для чего встретиться? — быстро спросил Аликас.

— Он должен был что-то передать мне для Тулбиса. Ведь предполагалось, что он останется здесь, в Литве, а я вернусь в Любек. Так мне, во всяком случае, говорили. А кроме того - чемодан. Если не встречу “Черного барина”...

— Тут вы и должны были вручить ему чемодан? — уточнил Скворецкий.

— Вручить или указать место, где он припрятан. Это уж как сложились бы обстоятельства.

— Скажите, — задал новый вопрос Скворецкий, — полковник Тулбис имеет связи здесь, в Литве? Часто посылает сюда своих людей? Встречает людей отсюда?

— Часто ли посылает своих людей, не знаю. И никогда не хотел знать. Все это мне было противно. Я ведь вам говорил, с какой целью взялся за выполнение задания полковника. А насчет связей... Их у Тулбиса хватает. Все они там, в Любеке, — я имею в виду полковника и его окружение — только и заняты организацией подрывной работы в Литве.

— Но на кого, на кого же там, за границей, они надеются, кто дает им средства, кто предоставляет возможности организовывать в нашем тылу подрывную работу? Ведь фашистская Германия разбита, войне со дня на день конец? Или... есть другие?

Впервые за этот вечер Эйдукас улыбнулся:

— Да, вы, как видно, неплохо знаете полковника Тулбиса. С давних времен он связан с англичанами и с американцами. С теми, кого не упрекнешь в симпатии к Советскому Союзу. Тулбис мне сам об этом не раз говорил. Правда, конкретных имен он не называл, но, думаю, не хвастался. По-моему, он уже и сейчас, хотя война еще не кончилась, восстанавливает свои старые связи.

— Так, — задумался Скворецкий, — значит, вы говорите, что должны были вернуться?

Эйдукас молча кивнул в ответ.

— А что, если вам взять да и действительно вернуться в Любек?

— Вы шутите! — вскочил Эйдукас. — Мне сейчас не до шуток.

— Почему шучу? — спокойно возразил Кирилл Петрович. — И не думаю шутить. Впрочем, об этом мы еще поговорим. Так через денек или два... Что вы скажете, если мы пока поместим вас на надежной квартире, не здесь, конечно, а в Вильнюсе, завтра съездим в лес за чемоданом, а там решим, что делать? Согласны?

— Позвольте, а разве вы меня не... не арестуете? — В голосе Эйдукаса послышалась дрожь. — Не отправите в тюрьму?

— Нет, в тюрьму мы вас отправлять не собираемся, — рассмеялся Скворецкий. — Скажите, кстати, за вами из здешних друзей Тулбиса никто не следит? Вы ничего такого не замечали?

— Нет, кто же может следить? Ведь до настоящего времени никто, кроме Джокера и... вот ее, — Эйдукас кивнул в сторону Маренайте, — о моем прибытии в Литву не знал. Теперь еще и вы знаете. Вот и все. Хотя... хотя все может быть. Но замечать я ничего такого не замечал.

— Хорошо, если так, — задумчиво произнес подполковник, — а все-таки надо вам поберечься, да и все мы должны вести себя поосторожнее.

Распростившись с Маренайте, сначала Аликас с Эйдукасом, затем Скворецкий, соблюдая всяческие предосторожности, пробрались к ожидавшей их невдалеке от воинской части машине и поспешили в Вильнюс. Поместив Эйдукаса в специально подготовленной квартире, несмотря на то что было уже далеко за полночь, Скворецкий и Аликас отправились к заместителю наркома и все рассказали ему.

— Ну, так что же, предлагаете поверить Эйдукасу? — подвел итоги заместитель наркома.

— Почему “поверить”? — возразил Скворецкий. — Будем и дальше его проверять. А рискнуть стоит...

— Да, — согласился заместитель наркома, — без риска в нашем деле нельзя. Только риск должен быть разумным, оправданным. Тут игра, кажется, стоит свеч. Однако, не повидав Эйдукаса, я не хотел бы ничего решать. Завтра с ним побеседуем. Все вместе.

На следующее утро капитан Аликас с Эйдукасом в сопровождении надежно вооруженных оперативных работников отправились в лес, туда, где был спрятан чемодан. Чемодан был найден без труда и доставлен в Вильнюс. В нем оказался набор взрывателей, несколько бесшумных пистолетов с запасом патронов, изрядная сумма денег, таблицы шифров, коды, тщательно упакованные пакетики с беловатым кристаллическим порошком. Химический анализ показал, что это сильнодействующий яд, по всем признакам сходный с тем, что был обнаружен в поселке.

В тот же вечер заместитель наркома встретился с Эйдукасом. Судя по всему, Эйдукас произвел на него самое благоприятное впечатление. Во всяком случае, заместитель наркома сказал Скворецкому:

— Ну, будь по-вашему. Рискнем.

Побеседовав с Эйдукасом еще с полчаса, Аликас поспешил к Скворецкому. Судя по выражению его лица, Аликас был чем-то обрадован.

— Знаете, Кирилл Петрович, — сразу начал капитан, — Эйдукас сообщил мне нечто любопытное.

— Например?

— Он рассказал, что одним из самых доверенных лиц полковника Тулбиса является майор Рамулис.

— Рамулис? Ну и что из этого? Признаться, это имя мне ровно ничего не говорит.

— Я так и думал. Но зато мне это говорит, и очень, очень многое.

— А именно?

— Я знаю Рамулиса. Знаю лично. Вернее, знал в прошлом. Этот человек вполне заслуживает самого серьезного внимания. И то, что мы лично знакомы, может сыграть немалую роль...

Аликас рассказал, что впервые услышал про Рамулиса при следующих обстоятельствах: в середине тридцатых годов, в буржуазной Литве, отец Аликаса участвовал в “деле” какого-то своего дальнего родственника, крупного литовского предпринимателя. Одновременно, с ведома этого родственника, он выполнял обязанности

представителя советской фирмы “Автоэкспорт” и постоянно встречался с сотрудниками советских торговых организаций.

У отца Аликаса была собственная автомашина, а вместо шофера был его сын, но зато Аликас имел право пользоваться этой машиной. Аликасу это было очень удобно: он являлся активным участником подполья, и машина была необходима.

Однажды Аликас вез отца и сотрудника советской торговой организации. Разговор шел деловой, и Аликас запомнил его от слова до слова. Речь шла о поставке автоцистерн для литовской армии. Главным конкурентом советских торговых организаций в Литве являлись германские фирмы, пытавшиеся сбыть свои автоцистерны. Представителем одной из немецких фирм был майор литовской армии Рамулис. Так Аликас впервые услышал это имя.

Работник торгпредства убеждал старого Аликаса снизить цены до возможного предела, дабы заказ не уплыл к немецким фирмам, а также предлагал использовать Рамулиса, человека очень близкого Тулбису, и попытаться внести разлад между Рамулисом и Тулбисом.

Следуя этим советам, отец Аликаса познакомился с майором Рамулисом и начал с ним встречаться. Как там у них шли торговые дела, Аликас не знал и не знает, но и ему довелось познакомиться с Рамулисом. Майору он известен как сын коммерсанта средней руки и дальний родственник крупного литовского промышленника и дельца. Ничего иного он о нем не знает. Да, еще он знает, что Аликас в середине тридцатых годов намеревался перебраться в США. Вот, пожалуй, и все.

— Вы полагаете, что Рамулис вас узнал бы, если бы вам довелось встретиться? — поинтересовался Скворецкий.

— Я в этом убежден. Ведь с тех пор, как мы виделись, не прошло и десятка лет.

— Что ж, об этом стоит подумать, — согласился подполковник.

В очередной понедельник, около трех часов пополудни, Эйдукас направился к костелу Остра Брама, что расположен в центре города, недалеко от улицы Гедемина.

Костел этот и примыкающая к нему улица представляли собою весьма любопытный архитектурный ансамбль. Узкая улица нырляла под своды костела, замыкавшего ее. И днем и по вечерам на подступах к костелу толпились верующие. Всякий, кто даже невзначай попадал сюда, должен был снять головной убор и присоединиться к молящимся — иначе ему тут делать было нечего. Вот сюда-то и лежал путь Эйдукаса.

Минут за пятнадцать до него пришел Аликас. Он, как и все молящиеся, преклонил колена, но устроился так, что ему был виден весь путь к костелу. Были здесь, затерявшись в толпе, и другие оперативные работники.

Появился Эйдукас. В левой руке он держал свернутую трубкой газету и трость, правой рукой крестился. Это был знак “Джокеру”: все благополучно, можно подходить.

“Джокер” не заставил себя ждать — несколько минут спустя он опустился на колени рядом с Эйдукасом, также держа в левой руке газету, но без трости. Этот сигнал был уже для Эйдукаса. Отсюда они вышли вместе.

— Как дела? — тихо спросил “Джокер”, едва они оказались на улице. — Ничего подозрительного? Что успел сделать?

— Вроде бы все гладко, — ответил Валентинас. — Держусь. Но в лес лучше не ходить. Пробовал — не вышло. Везде войска. (Это было правдой — по полученным от Эйдукаса явкам местопребывание “Черного барина” было уточнено и банда окружена войсками. Со дня на день должна была состояться операция по полной ее ликвидации.)

— А как с грузом?

— Груз я спрятал.

— Где?

— В лесу. Укрыто надежно. Вот план местности, где зарыт чемодан. — Эйдукас протянул “Джокеру” клочок бумаги. — А как у тебя? Для полковника все готово?

— Спрашиваешь! — самодовольно ухмыльнулся “Джокер”. — Держи.

Он протянул Эйдукасу катушку фотопленки, аккуратно обернутую в черную светонепроницаемую бумагу.

— Еще увидимся? — спросил Эйдукас. — Я лично задерживаться тут не собираюсь.

— Ну и двигай, — согласился “Джокер”. — Нашим передай, что я осел крепко, хорошо. Груз возьму. Связь — как условлено. Желаю успеха!..

Они расстались, и с этой минуты “Джокер” ни на мгновение не оставался вне поля зрения чекистов.

Эйдукас вышел на улицу Гедемина и прошел несколько кварталов, затем круто повернул и пошел обратно. Шел он не спеша, иногда останавливаясь, бросая как бы невзначай взгляды по сторонам. Ему показалось, что, когда он повернул, в толпе мелькнули какие-то лица, замеченные им и ранее.

“Неужели следят? — подумал Валентинас. — Но кто? Чекисты? А может, люди “Джокера”? Может, просто померещилось?”

И все же он не мог не думать, что за ним кто-то неотступно следует по пятам. “Что ж, — думал Эйдукас, — если это чекисты, это понятно. Не могут они так сразу мне доверять. И все же обидно. Ведь я рассказал им всё, всё. Неужели не верят? А вдруг люди “Джокера”? Тогда — хуже”.

Эйдукас нырнул в проходной двор, в другой и, убедившись, что ушел от преследователей, поспешил на свою квартиру. Встретившись день спустя с подполковником Скворецким, он сухо сообщил ему, что когда шел со встречи с “Джокером”, то заметил, что за ним кто-то следил. Кирилл Петрович нахмурился.

— Вы заметили внешний облик этих людей? Их приметы? — спросил он. — Опишите поподробнее. Это дело серьезное.

Из вопросов подполковника, из самого тона, которым они были заданы, Эйдукас понял, что за ним следили не чекисты, и почувствовал огромное облегчение. Он не знал и не мог знать, что и чекисты не спускали с него глаз, охраняли, что они тоже заметили преследовавших его людей. Скворецкий ничего об этом ему не сказал, но запретил покидать квартиру. Не так прост был “Джокер” и его подручные — всякое могло случиться. Да и зачем было зря появляться на улице, когда здесь, в Вильнюсе, все было сделано и до отъезда остались считанные дни...

Прошло несколько суток, и Аликас доставил Эйдукаса на территорию Германии, в тылы наступающих на Берлин советских войск, а дальше Валентинас пошел самостоятельно, тем маршрутом, что дал ему полковник Тулбис.

Через некоторое время было получено условное письмо, из которого явствовало, что Эйдукас благополучно добрался до Любека и встретил самый радушный прием у полковника Тулбиса.

Между тем чекисты не спускали глаз с “Джокера”. Все его действия тщательно проверялись, скрупулезно исследовались, и не напрасно! Люди “Джокера”, особенно те, что следили за Эйдукасом, представляли большой интерес. Это были махровые националисты. Заинтересовала чекистов и записка, которую “Джокер” отправил оказией некоему Марцинкявичусу. На первый взгляд записка выглядела абсолютно невинно: “Люблю, грущу, соскучился, надеюсь повидаться”, но важно было то, что жил Марцинкявичус в том самом поселке, что и Маренайте, там, где случались таинственные происшествия.

Марцинкявичус — человек с безупречной биографией, инвалид войны, пенсионер. Однако при тщательной проверке выяснилось, что Марцинкявичус далеко не столь прост, как кажется. Оказалось, что все его документы фальшивые, а биография — вымышленная. Так называемый Марцинкявичус никогда не жил в тех местах, которые были указаны в паспорте и биографии. Поддельным был не только паспорт, но и остальные документы, хотя, надо признать, сделано было все очень ловко.

Теперь и Марцинкявичус был под наблюдением чекистов. Вел он себя, однако, все так же тихо и неприметно, как и раньше.

Прошло еще несколько дней, и “Джокер”, как того и ожидали, явился в лес за чемоданом, спрятанным Эйдукасом.

Весело насвистывая, он выкопал чемодан, заблаговременно возвращенный на место, отряхнул его от земли и принялся отпирать.

— Руки вверх! — внезапно прозвучал суровый окрик. — Ни с места!..

“Джокер” так и застыл, испуганно вскинув руки над головой и дико озираясь по сторонам. Сопrotивляться было бессмысленно, да “Джокер” и не пытался. Его игра была безнадежно проиграна, и он принял единственно правильное решение: попытаться облегчить

собственную часть полнотой признания. Он сразу же назвал полковника Тулбиса, все явки, полученные от шефа, перечислил задания, назвал Эйдукаса, а также людей, которым поручил проверять его. Не забыл он и Марцинкявичуса. Этому последнему “Джокер”, как он заявил, должен был передать яд, все же остальное он намеревался переправить “Черному барину”, коль скоро Эйдукас не успел этого сделать. (“Джокеру” было невдомек, что к этому времени ни “Черного барина”, ни его банды уже не было и в помине: банда была уничтожена, а сам “Черный барин” убит в завязавшейся перестрелке).

Рассказывая о Марцинкявичусе, “Джокер” назвал имевшуюся к нему явку и сообщил пароль. По его клятвенному заверению, ни в какой личный контакт с Марцинкявичусом он вступить не успел, если не считать коротенькой записки обуславливающей встречу. Следовательно, тот никак не мог знать его в лицо.

На другой день в поселке появился молодой человек, одетый в поношенный спортивный костюм. Уверенно, словно дорога была ему превосходно известна, он направился к пивному залу, где работал Марцинкявичус. В этот полуденный час на улицах поселка было пустынно и приезжий почти никого не встретил. Когда он вошел в зал, там не было ни души, только за стойкой лениво двигался человек в белом фартуке. Это был Марцинкявичус.

— Пиво свежее? — бросил сквозь зубы незнакомец, небрежно облокачиваясь о стойку и обшаривая цепким взглядом пустой зал. — А выдержанное, прошлогоднее не водится? (Это был пароль.)

— Есть для хороших людей и прошлогоднее, — сдавленным голосом прошептал Марцинкявичус. Краска сбежала с его лица. — Вы... вы “Джокер”? Пойдемте...

Марцинкявичус юркнул в низкую дверцу за стойкой, приглашая незнакомца следовать за собой. Они очутились в маленькой комнатухе с единственным оконцем, завешенным плотной занавеской, и второй дверью, которая вела в крохотную прихожую и на улицу. Все убранство комнаты состояло из кровати, шаткого колченогого стола да двух стульев. На один из них Марцинкявичус указал своему посетителю, другой придвинул себе.

— Как, — спросил Марцинкявичус, нервно поеживаясь и потирая руки, — добрались благополучно? “Хвост” не притащили?

— Ого, — присвистнул “Джокер”, — да ты, я вижу, пуганый!

— Будешь пуганый, коли насидишься в моей шкуре! — огрызнулся Марцинкявичус. — Тут что ни день, так красные шныряют. Место-то знаешь какое? Горячее!..

— А у тебя как, гладко? — встревожился приезжий. — Ничего такого?..

— Да нет. Пока ничего. Сижу крепко, хорошо. Но ухо надо держать остро. Давай, однако, к делу: деньги, товар с тобой?

— Ишь ты какой быстрый! — усмехнулся гость. — “Деньги”! “Товар”! Ты прежде отчитайся в своих делах, а там и об остальном потолкуем.

Марцинкявичусу такое требование было явно не по душе, но возражать он не стал. Из его слов явствовало, что времени он даром не терял: при помощи предыдущей партии “товара” сумел отправить на тот свет немало людей.

— Так, — сказал приезжий, выслушав Марцинкявичуса. — Все усвоил... А насчет товара, так придется пойти со мной. Не буду же я деньги и товар тащить среди бела дня через весь поселок. А вдруг что случится?

— Это правильно, — поспешно согласился Марцинкявичус. — Что правильно, то правильно. Только куда идти, далеко ли? Надолго-то мне уйти просто так, никого не предупредив, не с руки. Я же на работе.

— Какое там далеко. Здесь, в лесу. Минут пять ходу...

Пивной зал был расположен на окраине поселка, и густой лес вплотную подходил к разбросанным там и тут строениям.

“Джокер” и Марцинкявичус быстро нырнули в лес и углубились в чащу. Приезжий шел вторым.

Не прошли они и нескольких сотен шагов, как Марцинкявичус почувствовал, что ему в спину внезапно уперлось что-то твердое.

— Руки! — послышался властный голос. — Руки на голову! В случае чего стрелять буду без предупреждения...

“Стрелять? — обмер Марцинкявичус. — В меня стрелять? Но почему, что все это значит? Потерял доверие? Сделал что-нибудь не так?” Он хорошо знал повадки националистов. Но тут же понял, как он ошибся: кусты расступились и из них вышло несколько человек в чекистской форме, а бывший “Джокер”, усмехаясь, представился:

— Капитан Аликас. Прощу любить и жаловать...

— Значит, — беспомощно пролепетал Марцинкявичус, — вы не “Джокер”? А я-то... вы-то...

— Вот какой стал робкий, — резко сказал Аликас, — даже язык стал заплетаться. Небось, когда наших товарищей на тот свет отправлял, не заикался?

Марцинкявичус замолчал.

Вскоре он сидел перед подполковником Скворецким и давал исчерпывающие показания о своих злодейских делах. Ему, как и “Джокеру”; деваться было некуда...

Но хотя с бандой “Черного барина” было покончено и “Джокера” поймали, чекисты знали, что вражеское подполье еще осталось и пытается наносить удары из-за угла. Надо было действовать, и, наконец, план был готов, рассмотрен и утвержден...

...Кончилась война. Фашистская Германия подписала безоговорочную капитуляцию и была разделена на зоны оккупации: советскую, американскую, английскую, французскую. Правда, между французской, английской и американской зонами оккупации почти никакой разницы не было, но тем разительнее было отличие этих зон от советской, где впервые в истории немецкого народа начали закладываться основы новой, социалистической Германии.

Конец войны и приход английских оккупационных войск в Любек ничего не изменили ни в образе жизни полковника Тулбиса, ни в его деятельности. Все осталось по-прежнему, только хозяева да источники снабжения стали другими.

Эйдукас вернулся в Любек в самые последние дни войны, когда здесь уже хозяйничали союзники. Любек — крупный портовый город на севере Германии, один из центров германской судостроительной, авиастроительной и автомобильной промышленности, в это время являл собою жалкое зрелище. Город был основательно разрушен: там и

тут высились остовы разбитых домов, улицы были загромождены гудами битого кирпича, щебня. Таковы были последствия бомбардировки Любека английской и американской авиацией. Правда, пострадали только центральные районы города, его жилые кварталы. Окраины, где были расположены промышленные предприятия, остались почти целыми. Авиация союзников бомбила по выбору, расчетливо, точно, оставляя в сохранности промышленные объекты.

Полковник Тулбис встретил Эйдукаса с распростертыми объятиями: еще бы, герой — побывал у большевиков, в красной Литве, и вернулся цел и невредим! Он помог Валентинасу снять хорошую комнату, где тот удобно устроился. Эйдукас “отдыхал” и с нетерпением ждал вызова.

Несколько дней спустя после возвращения Эйдукас был приглашен к Тулбису.

Полковник занимал двухэтажный особняк, расположенный в глубине небольшого сада за каменной оградой. У дверей Эйдукаса встретил майор Рамулис. Это было далеко не лишним: полковника Тулбиса надежно охраняли вооруженные с ног до головы головорезы из литовских националистов, которые ни одного постороннего ни на шаг не подпускали к особняку. Охрана разместилась у калитки, у расположенных вблизи нее широких ворот, открывавшихся изнутри, патрулировала вдоль ограды с ее внутренней стороны, находилась у входа в самый дом. Одним словом, мирный и безобидный извне особняк напоминал штаб воинской части или, еще точнее, осажденную крепость.

Майор Рамулис повел Эйдукаса через двойное кольцо охраны — у калитки и возле дома — и широко распахнул перед ним входную дверь.

В просторной комнате первого этажа, служившей, судя по всему, гостиной, в креслах и на стульях расположилось человек пятнадцать литовцев. Большинство из них были солидные, пожилые люди, некоторых из них Эйдукас встречал у полковника и раньше, некоторых он видел впервые.

Вскоре Эйдукас понял, что перед ним находятся лица, направляющие деятельность антисоветских политических групп на территории Литвы.

Теперь Эйдукас внимательно присматривался к присутствующим, стараясь понять, какую роль каждый из них играет, выяснить и запомнить их имена и занимаемое положение.

Навстречу Эйдукасу, когда он вошел, из-за курительного столика поднялся полковник Тулбис. Взяв Валентинаса под руку, он повел его по комнате, представляя собравшимся. Каждый чуть приподнимался навстречу, пожимая Эйдукасу руку и называя свое имя: кто отчетливо — Шкирпа, Валюкюнос, Кубенис, кто невнятно, сквозь зубы.

Когда церемония представления была окончена и все расселись по своим местам, Тулбис предоставил слово Эйдукасу. Он попросил подробно рассказать о том, как обстоят дела в Литве и доложить, как он справился с возложенными на него поручениями. Валентинас был готов к этим вопросам. Подполковник Скворецкий предполагал, что, помимо отчета “о проделанной работе”, от Эйдукаса потребуют по возвращении в Любек подробного доклада о положении дел в Литве, и дал Эйдукасу перед его отъездом целый ряд советов. Этими советами Эйдукас сейчас и воспользовался. Из его слов вытекало, что положение Советов в Литве прочное, хотя некоторые литовцы иногда вспоминают о временах “национального правительства”. То там, то здесь “литовские патриоты” убивают коммунистов, стреляют по советским учреждениям, распространяют “патриотические” листовки. Но среди литовцев много таких, которые решительно пресекают все эти враждебные новому режиму действия.

— Позвольте, э... э... позвольте! — раздался хрипловатый, рокочущий бас. — А крестьянство? Зажиточное крестьянство — наша опора? Почему вы ничего не говорите о крестьянстве, его настроениях? Имеет ли литовский крестьянин оружие, готов ли подняться по нашему призыву на всеобщую борьбу против большевиков? Вот что мы хотим от вас слышать, вот что мы хотим знать...

Вопрос задал пожилой полный человек с одутловатым лицом, изборожденным склеротическими прожилками. Его седые усы воинственно топорщились.

— Но, господа, — развел руками Эйдукас, — я не имел ни времени, ни возможностей изучить положение дел во всех слоях литовского народа. Поверьте, условия моего пребывания там, у красных, не очень способствовали такому изучению... — Эйдукас

снова развел руками и улыбнулся. Многие заулыбались ему в ответ, понимающе закивали головами, задвигались на стульях. — Мне даже с “Черным барином” не удалось встретиться, получить от него информацию. Могу сказать одно: немцам литовский народ не очень симпатизирует...

— Что немцы? — с раздражением махнул рукой полковник Тулбис. — Немцы — уже пройденный этап. Они попирали национальное достоинство литовского народа и — туда им и дорога. В деле освобождения литовцев от ига большевиков наши надежные союзники — англичане и американцы, я всегда так и считал!..

— Так уж и всегда?! — ехидно сказал худощавый подвижный человек, с черными, тронутыми проседью волосами, разделенными четким пробором. Его тонкие губы кривились в желчной усмешке.

— Да, всегда! — с пафосом воскликнул Тулбис. — Но обстоятельства...

— Хватит ссылаться на объективные обстоятельства! — рявкнул кто-то.

Кто — Эйдукас не увидел.

Поднялся шум, в котором тонули отдельные выкрики. Некоторые вскочили со своих мест, размахивали руками, угрожающе надвигались друг на друга. Было очевидно, что господа националисты далеко не так единомышленны, как могло показаться вначале.

— Господа! — взывал полковник Тулбис, стуча кулаком по столу. — Господа! Прошу прекратить шум. Мы собрались для того, чтобы выслушать господина Эйдукаса, а не для дискуссии. Призываю вас к порядку...

И все же прошло не менее пятнадцати минут, пока собравшиеся наконец угомонились и с ворчанием расселись по своим местам. Наступила тишина.

Потом Эйдукаса попросили объяснить, почему не состоялась встреча с “Черным барином”. Тут споров не возникло: все сошлись на том, что при сложившихся обстоятельствах, когда в местах явок “кишмя кишели коммунисты”, Эйдукас поступил правильно, не пытаясь прорваться к “Черному барину”. Из обмена репликами между участниками совещания Эйдукас лишний раз убедился, что хотя “Черный барин” и представлялся значительной фигурой собравшимся, он был не единственным из подобных “деятелей”, подвизавшихся на

территории Литвы, и банда “Черного барина” была всего лишь одной из банд.

Всеобщее одобрение вызвало сообщение полковника Тулбиса об успешной встрече Эйдукаса с “Джокером” и доставленной фотопленке. Причем, как обратил внимание Эйдукас, подлинное имя “Джокера”, как и “Черного барина”, ни разу не было названо.

— Материалы фотопленки обрабатываются, — сказал Тулбис, — но уже и сейчас очевидно, что господин Эйдукас доставил весьма ценные сведения. Со временем мы вас с ними ознакомим. (Полковник, конечно, и понятия не имел, что фотопленка побывала в руках чекистов и была надлежащим образом “отредактирована” и “доработана”.)

От лица “литовского народа” полковник Тулбис выразил Эйдукасу благодарность за успешное выполнение задания и торжественно заявил, что все рассчитывают и впредь видеть в лице Эйдукаса “достоинного патриота”, надежного “борца за освобождение Литвы от большевистского ига”.

— Скажите, — робко спросил Эйдукас майора Рамулиса, провожавшего его до калитки, — и часто у них такое бывает?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вот такие, что ли, стычки?

Рамулис усмехнулся:

— Стычка? Разве это была стычка? Случается, и за горло друг друга хватают, и по скуле один другому норовят заехать, а ты говоришь “стычка”! В чем беда, — наставительно сказал Рамулис, — есть еще среди нас такие, что до сих пор на Гитлера молятся и никак не хотят понять, что немцам капут. Нет, брат, теперь вся наша надежда на англичан, на американцев, на Черчилля. Вот когда они передерутся с русскими, тогда настанет наше время. И полковник Тулбис давно это понял. Светлая голова! На нем все и держится...

Потекли дни, недели. Тулбис и его помощники ни на минуту не прекращали лихорадочной деятельности, направленной на подрыв социалистического строя в Советской Литве. И, судя по всему, они

имели могущественных покровителей и надежные источники для продолжения шпионской и диверсионной работы.

Теперь в отличие от прежнего Эйдукас старательно присматривался и наблюдал за всеми кто его окружал в Любеке. Он пользовался каждой возможностью попасться на глаза Тулбису, неизменно подчеркивал свою приверженность делу “освобождения литовского народа”, преданность делу, а с Рамулисом они стали просто неразлучны. Вначале майор присматривался к Валентинасу, не раз расспрашивал его о подробностях поездки, о встрече с “Джокером”, причинах неудачи с “Черным барином”. Вопросы часто повторялись, и Эйдукас понимал, что его проверяют, ловят на слове. Но он был начеку и с честью выходил из всех испытаний.

Постепенно подозрительность Рамулиса уступила место полному доверию, и он окончательно сблизился с Эйдукасом.

— Слушай, Валентинас, — сказал однажды Рамулис, — у тебя оружие есть?

— Оружие? — удивился Эйдукас. — Здесь, в Любеке? Но с какой стати может мне здесь понадобиться оружие? Красные-то пока далеко!..

— Красные? — усмехнулся Рамулис. — Разве я говорю о красных? Нет, тебе не меньше надо бояться кое-кого из наших...

Валентинас ничего не понимал, тогда Рамулис пояснил, что среди собравшихся у полковника многие Эйдукаса раньше не знали, а малознакомым людям они не доверяют. Одно неправильно истолкованное слово, вызывающий подозрение шаг, и всё. Конец. Сами, конечно, они рук пачкать не будут, этого господина не любят, но в наемных убийцах, в том числе и из литовских националистов, в Любеке недостатка нет. Вот на этот случай и надо всегда иметь при себе оружие, да и вообще остерегаться.

— Я не думал, что могу у кого-либо вызвать подозрение или неприязнь, — с заметной растерянностью сказал Эйдукас. — После всего, что я сделал... Да и полковник... Полковник-то Тулбис не первый день меня знает.

— “Полковник”! — парировал Рамулис. — Я не полковника имею в виду. Полковник, да и я, мы в тебе не сомневаемся. Но есть и другие... Одним словом, мое дело тебя предупредить, а там как знаешь.

Полковник Тулбис действительно относился к Эйдукасу с большим доверием, что нельзя было сказать о других руководителях националистов. Чем больше узнавал Валентинас, чем ближе он узнавал этих “деятелей”, их вероломство, страсть к интригам, корыстолюбие, мелочность, жгучую ненависть к трудовому народу Литвы, тем отвратительнее они ему становились. Тем более крепла в Эйдукасе уверенность в правильности избранного им в Вильнюсе, при помощи Скворецкого, Аликаса и, в первую очередь, Маренайте, пути.

Маренайте! Вот кого ему особенно не доставало, вот кто ему был особенно нужен. Но теперь он мог мечтать о будущем, и это будущее — вместе с Маренайте — было светлым, лучезарным.

Трудно было Валентинасу. Тяжко прикидываться врагом Советской власти, своего народа, своей Родины. Но ему было приказано ждать, и он ждал, собирая сведения о намерениях националистов, об их связях и делах с иностранными разведками.

Плохо было и то, что Эйдукас не имел регулярной связи с теми, кто стал его подлинными друзьями, со Скворецким и Аликасом. Ведь он мог уже сообщить им много важного. Но и это до поры до времени было ему запрещено. Только дважды он переслал информацию: сообщил о своем благополучном прибытии в Любек и об образе жизни полковника Тулбиса. Эйдукас сообщил, что полковник живет в особняке, который тщательно охраняется и проникнуть туда постороннему чрезвычайно трудно. Полковник покидает особняк редко и всегда под надежной охраной, состоящей из пяти — шести особо преданных ему бандитов. В одиночку он из особняка не выходит.

Вот и вся информация, которую передал Эйдукас подполковнику Скворецкому...

В конце мая 1945 года в одном из лагерей для перемещенных лиц, километрах в ста на юго-восток от Любека, находившемся в ведении английского командования, появился представитель советской военной администрации майор Дроздов. Майору было за тридцать лет, роста он был среднего, широк в плечах, подтянут. По делам службы он много ездил: бывал в Ганновере, Бремене, Люнебурге, Гамбурге, заворачивал и в Любек. В распоряжении майора находился черный вместительный “хорьх”, мощная, быстроходная машина, па которой он совершал свои поездки. Ездил майор, как правило, днем, но случалось, в пути его

заставала и ночь. Водителем у него был молодой мрачноватый сержант, с которым майор редко расставался.

Хотя и с трудом, но майор изъяснялся по-английски, и его общительность, неизменная жизнерадостность, веселый нрав привели к тому, что скоро у него завязались дружеские отношения со многими из офицеров английских оккупационных войск, расположенных в этой зоне Германии, особенно среди тех, кто причастен к деятельности лагерей перемещенных лиц. Этому в какой-то мере способствовало и то, что у майора всегда имелся запас русской водки, а многие из английских офицеров были не прочь выпить.

Майор частенько бывал в советской зоне и вскоре стал своим человеком на английском контрольном пункте. Его “хорьх” знал чуть не каждый солдат на КП, а про офицеров и говорить нечего.

Естественно, что английские офицеры, вообще не придерживавшиеся, как и все остальные, особой строгости в первые месяцы после окончания войны, смотрели сквозь пальцы на некоторые слабости русского майора, а слабости у него имелись. Так, майор Дроздов любил всячески украшать свой “хорьх”. В кабине его машины перед ветровым стеклом всегда можно было увидеть очередную безделушку — “счастливый амулет”, как говорил майор, — висящую на тонком шнурке. Сиденье “хорьха” покрывал ковер. Иногда этот ковер, скатанный в тугой рулон, лежал на полу машины, тогда сиденье было закрыто красивой пестрой тканью. Англичане никогда не проверяли машину майора Дроздова. Не портить же в самом деле из-за таких мелочей отношения с хорошим человеком. Тем более, что в машине майора иногда оказывался ящик, а то и два с аккуратно уставленными в гнездах бутылками водки. Вот этим грузом офицеры английского КП интересовались, но интересовались чисто потребительски. Известная часть этого груза оседала на КП, причем англичане всякий раз удивлялись, зачем русскому майору водка, если он сам почти не пьет.

Служебные обязанности майора Дроздова в самом лагере для перемещенных лиц были хлопотливыми, хотя и не отнимали много времени. Здесь, в лагере, в первые недели после окончания войны содержалась разная публика. Были здесь русские, украинцы, литовцы, эстонцы, латыши, грузины. Основную массу обитателей лагеря составляли бывшие военнопленные, прошедшие через все ужасы

фашистских концлагерей, рвавшие на родину. Были и те, кого гитлеровцы насильственно вывезли в Германию и использовали в качестве рабочей силы на самых тяжелых работах. Были и такие, кто в свое время сотрудничал с немцами, бежал в Германию при наступлении советских войск, а теперь, не видя иного выхода, оказался в лагерях для перемещенных лиц, где тщательно скрывал свое прошлое, свои преступления перед Родиной.

Среди них попадались люди, завербованные разведкой союзников с целью использовать их в качестве своей агентуры на территории Советского Союза.

Во всем этом и приходилось разбираться майору Дроздову и его товарищам, другим советским офицерам, определявшим совместно с представителями союзного командования порядок репатриации на родину так называемых перемещенных лиц. А разбираться было нелегко, ибо особого порядка поначалу в этих лагерях не было.

Частые поездки майора Дроздова по территории английской зоны оккупации объяснялись его служебными обязанностями: майор был связан с несколькими лагерями, вынужден был встречаться с представителями английского командования, избравшими местом своего постоянного нахождения крупные города, а также выполнять и кое-какие функции, связанные с проверкой его “подопечных”.

Далеко не все поездки майора Дроздова проходили благополучно. Был однажды случай, когда поздней ночью борт его машины внезапно прошила автоматная очередь. Счастье, что ни майора, ни его шофера не ранило. С обеих сторон к дороге подступал густой лес, стояла непроглядная тьма. Шофер мгновенно выключил фары, дал полный газ, и Дроздова спасла только скорость его машины да самообладание водителя. Майор не распространялся об этой истории, но в лагере, сослуживцам, стало известно о происшествии, и майору строго-настрого порекомендовали прекратить ночные поездки: всякое может случиться...

Майор Дроздов и сам, когда поднялись разговоры, объяснял случившееся так: гитлеровцы. Ночью он теперь стал ездить намного реже, но все-таки ездил: важные дела! Ничего не поделаешь...

Неделю спустя майор снова чуть не попал в беду, и опять его спасла находчивость и смелость шофера. На этот раз все произошло под вечер, невдалеке от лагеря. “Хорьх” Дроздова плавно катил по

узкому пригородному шоссе, как вдруг из-за угла на бешеной скорости вывернул тяжелый грузовик, нацеленный прямо на машину майора. Шофер Дроздова вывернул руль, бросив машину в кювет, и грузовик с грохотом промчался мимо, лишь слегка оцарапав борт “хорьха”. Пока выбрались из кювета, преследование стало бессмысленным, и так и осталось неясным, то ли это случайность, шутка подвыпившего шофера, то ли что похуже...

Между тем жизнь Валентинаса в Любеке шла своим чередом. В первое воскресенье июня 1945 года, то есть тогда, когда майор Дроздов, постоянно подвергая свою жизнь опасности, всю разворачивал деятельность в английской зоне оккупации, Эйдукас и майор Рамулис, ставшие к этому времени закадычными друзьями, отправились по предложению Эйдукаса в один из самых роскошных любекских ресторанов. Здесь, если иметь деньги, можно было хорошо поесть да и выпить. Майор Рамулис никогда не отказывался ни от того ни от другого, особенно за чужой счет. В этот вечер за ужин платил Эйдукас.

Друзья славно поужинали и, смакуя десерт, вели неторопливую беседу. Беседа вертелась преимущественно вокруг посетителей ресторана, многих из которых Рамулис знал. Рамулис злословил по адресу английских офицеров, а Валентинас вяло ему поддакивал. Внезапно внимание, майора привлек молодой, изысканно одетый человек, сидевший в небрежной позе возле одного из столиков.

— Черт побери! — наклонился Рамулис к Эйдукасу. — Ты этого человека знаешь?

Рамулис кивнул в сторону незнакомца.

— Которого? Вот этого? — спросил Валентинас. — Впервые вижу.

— Здесь-то и я впервые его вижу, но я его встречал раньше, еще до войны, в Каунасе, в Литве. Потом он куда-то пропал — помнится, уехал в Штаты. Он туда собирался. Это родственник одного из наших крупных воротил. Как же его фамилия? Забыл. Ну, да это неважно. Тот тоже уехал в Америку. Еще до войны...

Незнакомец, обративший внимание на то, что его разглядывают, сам принялся пристально разглядывать Эйдукаса и Рамулиса.

Внезапно лицо его озарилось радостной улыбкой. Он быстро поднялся из-за своего столика и направился прямо к Рамулису.

— Майор Рамулис, если не ошибаюсь? Впрочем, теперь наверное уже полковник? Рад в этих местах встретить земляка. Не узнаете?

— Как же, как же, — расплылся в улыбке Рамулис, — я вас сразу узнал. Боже, сколько лет прошло, сколько лет!.. Я вижу, вы здесь в одиночестве, так не присоединитесь ли к нашей компании? Знакомьтесь: Эйдукас, мой друг, — представил он Валентинаса.

— Петкявичус, — представился незнакомец, здороваясь с Эйдукасом.

— Петкявичус! — воскликнул Рамулис. — Ну конечно же, Петкявичус. Вспомнил! Такова была фамилия вашего уважаемого дядюшки. Правильно? Но ведь вы, помнится, носили другую фамилию?

— Правильно, но не совсем, — улыбнулся Петкявичус, подзывая кельнера и делая заказ. Ни Рамулис, ни Эйдукас не возражали. — Господин Петкявичус был моим дальним родственником, но после его смерти я остался едва ли не единственным его наследником и вместе с состоянием унаследовал и его имя.

— Ах, так ваш уважаемый родственник умер?! — воскликнул Рамулис. — Какое несчастье, какое тяжелое несчастье... Такой достойный человек!..

— Ну, будем честными, — снова усмехнулся Петкявичус. — Если говорить начистоту, так для меня это было уж не таким большим несчастьем...

Беседа вскоре приняла самый непринужденный характер. Петкявичус охотно рассказал собеседникам, как сложилась его судьба. В середине тридцатых годов он, как, наверное, помнит Рамулис, занимался вместе со своим отцом сбытом автомобилей. (Рамулис помнил.) Затем, как и собирался, он уехал в Соединенные Штаты. Тут умер старик Петкявичус, живший в США. Став обладателем крупного капитала, молодой Петкявичус вернулся к излюбленному делу и основал посредническую контору по сбыту автомобилей. Дела идут хорошо, жаловаться нельзя. Сейчас он помышляет о расширении своего дела и подумывает, в частности, о том, как бы заняться и

производством автомобилей. Поэтому и оказался в Любеке, где, как известно, имеется ряд автомобильных предприятий. Выйдет ли что из его затеи, сказать трудно, но попробовать стоит.

Из слов Петкявичуса было совершенно очевидно, что к политическим проблемам вообще и к так называемому литовскому вопросу, в частности, он абсолютно равнодушен: его интересовали только коммерция, бизнес да еще “красивая жизнь”.

— Не знаю, — говорил Петкявичус, — может, что здесь и получится. Хотя навряд ли. Во всяком случае, пока проживу здесь, погляжу, а там видно будет.

— Где вы остановились? — любезно поинтересовался Рамулис.

— Да на первое время просто так, налегке, в гостинице. Но это ненадолго. С тех пор как у меня завелись деньги, я взял себе за правило устраивать жизнь по собственному вкусу. Вот и сейчас присмотрел в окрестностях города неплохую виллу. Думаю ее снять и там обосноваться. Ну, а вы-то, вы-то как, господин майор или полковник, а?

Рамулис махнул рукой:

— Какой там полковник! Как был майором, так майором и остался. Сейчас состою при полковнике Тулбисе. Слыхали, конечно?

— Полковник Тулбис? — равнодушно переспросил Петкявичус. — Да, кажется, слыхал. Еще тогда, в Литве. Это ведь, кажется, один из подручных бывшего главы Литовского государства Сметоны, верно?

— Совершенно справедливо, — подхватил Рамулис.

Ни полковник, ни то, что с ним связано, судя по всему, тоже не интересовало Петкявичуса, и разговор сам собой перешел на любекские развлечения, на женщин, приняв самый игривый характер. Беседа закончилась изъявлением знаков взаимной приязни, и Рамулис с Эйдукасом расстались с Петкявичусом друзьями, договорившись о следующей встрече в ближайшие дни.

— Да, — мечтательно говорил Рамулис, когда возвращался с Эйдукасом домой (они жили по соседству), — вот это повезло человеку! При таких деньгах он может поплевывать на проблему освобождения Литвы...

— Ну и что в этом хорошего? — сердито сказал Валентинас. — Жить без идей, без убеждений...

— Да, да, конечно, — поспешил согласиться Рамулис. — Идеи — это все.

Майор с минуту помолчал, потом улыбнулся и добавил:

— А что, ежели пожить хоть месячишку, а то и более без всяких идей, пропади они пропадом, вот как этот Петкявичус? Не плохо бы, а?

Случайная встреча Рамулиса и Эйдукаса с Петкявичусом имела продолжение. Через несколько дней они встретились вновь, потом еще и еще. Рамулис с Петкявичусом быстро подружились, а Эйдукас как-то отошел на второй план.

Рамулис прожужжал все уши о своем новом знакомце полковнику Тулбису, и тот в конце концов захотел и сам повидаться с этим преуспевающим литовцем. Глядишь, и он пригодится. Вскоре, по приглашению Тулбиса, переданному Рамулисом, Петкявичус явился в особняк.

Полковник встретил земляка очень любезно: был мил, внимателен. Но сколько он ни пытался навести разговор на нужды литовского “национального движения” — напрасно. Петкявичусу все это было совершенно безразлично. Зато когда заговорили о Любеке и его ресторанах и Тулбис оказался на высоте, лучшего слушателя, нежели Петкявичус, он и желать не мог. Тут стареющий полковник, стремившийся ни в чем не уступать молодым, и богатый американец проявили себя собеседниками, достойными друг друга. Рамулис сиял: он сознавал, что в равной мере угодил и своему патрону, и новоявленному другу.

Расстались полковник Тулбис и Петкявичус очень тепло и взяли друг с друга слово встретиться еще. Такая встреча снова состоялась в особняке полковника. Тулбис опять пытался склонить Петкявичуса к участию — финансами, конечно, — в делах националистического подполья и опять безрезультатно. Но полковник был упрям и не терял надежды уговорить американца. Поэтому Тулбис и шел на сближение с Петкявичусом, не говоря уже о том, что и он сам пришелся ему по душе.

Во время одного из очередных посещений полковника Петкявичус высказал желание принять Тулбиса и еще кое-кого из своих здешних, друзей — Рамулиса, Эйдукаса — на своей вилле, которую он недавно снял. Вилла, как говорил Петкявичус, расположена невдалеке от Любека, в исключительно красивом месте на морском побережье.

Петкявичус уверял, что он сделает все, чтобы гости не пожалели о времени, которое проведут у него. Полковник, не очень любивший покидать свой особняк, после некоторых колебаний согласился: ему не хотелось обижать отказом богатого земляка, да и вечер сулил, судя по всему, немалые удовольствия.

День встречи был назначен, и Петкявичус заверил полковника, что примет гостей самым наилучшим образом.

В эти же дни у полковника Тулбиса состоялось несколько бесед с Эйдукасом, настолько серьезных, что в их содержание поначалу не был посвящен даже майор Рамулис, уже не говоря об остальных руководителях националистов. Полковник предложил Валентинасу вновь нелегально посетить Литву, но на сей раз с самыми серьезными полномочиями.

Надо было срочно повидать руководителей подпольных групп и довести до них новые директивы и установки, связанные с окончанием войны, и вызванные этим изменения ориентации.

— Вы, конечно, понимаете, о чем идет речь, — говорил полковник. — Ставка на немцев бита. Они оказались плохими союзниками: думали только о себе и мало чем помогали в возрождении суверенной Литвы, государства национального единства. Англичане, американцы — другое дело. Они помогут нам восстановить наше господство в Литве. Счастье, что кое-кто из нас и во время войны не терял связей с соответствующими кругами в этих странах, вел для них работу иногда вопреки интересам немцев.

Эйдукас полностью был с ним согласен.

— Столь ответственную миссию, — продолжал полковник, — как передача новых установок практическим деятелям националистов в Литве, можно возложить только на особо доверенного человека, который справится с обязанностями эмиссара. Таким человеком он, Тулбис, и считает Эйдукаса.

Надо также разыскать и “Джокера”, что-то давно ни от него, ни о нем нет никаких вестей.

Кроме того, есть еще одна причина, из-за которой Эйдукасу лучше уехать: кое-кто здесь, в Любеке, не доверяет ему и относится к нему подозрительно. Пока он, полковник, держит их в руках, но как знать, чем все это может обернуться. Он, Тулбис, просто беспокоится за безопасность Валентинаса, пока тот находится здесь, в Любеке.

— Значит, вы полагаете, что в Советской Литве я буду меньше подвергаться опасности, нежели здесь, среди своих? — не без иронии спросил Эйдукас.

— Помилуйте! — воскликнул Тулбис. — И в мыслях такого не было. Но сейчас, пока кое у кого из наших обострилась маниакальная подозрительность, вам лучше исчезнуть. Съездите в Литву, вернетесь, и тогда уж ни у кого на вас рука не поднимется.

Было ясно, что полковник недоговаривает, что над Эйдукасом нависла реальная угроза; впрочем, его об этом еще раньше предупреждал и Рамулис. Сразу принять предложение полковника Валентинас не мог и попросил время, чтобы все обдумать и принять решение.

По прошествии нескольких дней Эйдукас явился к полковнику и заявил, что он готов еще раз послужить родине. “Послужить родине” — так и сказал Валентинас Эйдукас, вкладывая собственный смысл в эти слова.

Возникли у него, говорил Эйдукас, и кое-какие мысли о том, как пробраться в Советскую Литву. А что, если в качестве репатрианта, из лагерей для перемещенных лиц? При том хаосе, который сейчас, как известно, там царит, эта задача может оказаться легко разрешимой. Особенно если помогут англичане... Вот только как выбираться из Литвы обратно, он себе не представляет. Да, еще одно: что подумают о таком способе переброски те, кто не доверяет Эйдукасу. Полковник Тулбис задумался, затем сказал:

— Идея, по-моему, неплохая. Я посоветуюсь с кем следует, заручусь помощью, выясню возможности переброски вас назад, а тогда и примем окончательное решение. Что же до тех деятелей, так их мы не будем посвящать в подробности...

С кем советовался Тулбис, о чем договорился, Эйдукас не знал, но вскоре полковник передал Валентинасу, что он может готовиться в путь. “Явки и адреса получите перед отъездом. Выбраться обратно вам помогут наши друзья, действующие на месте, в Литве”. Так Эйдукас

узнал, что полковник поддерживает связь с националистическим подпольем в Литве.

Итак, Эйдукас очутился в том лагере для перемещенных лиц, где одну из руководящих должностей занимал майор Дроздов.

В лагере Валентинас появлялся редко, часто ездил в Любек, где бывал у полковника Тулбиса, встречался с Рамулисом и Петкявичусом.

Через некоторое время Эйдукаса включили в одну из групп, вскоре репатрируемую в Литву. Полковник Тулбис держал свое слово.

Срок отъезда Эйдукаса на родину близился. Полковник Тулбис наконец-то вручил ему явки и специальный личный шифр для радиосвязи с ним.

Между тем настал день, назначенный Петкявичусом для встречи с его друзьями. Вилла Петкявичуса была готова принять дорогих гостей.

Петкявичус с утра был в Любеке, а под вечер, как было условлено, подъехал на своей машине к особняку полковника. Вместе с Петкявичусом в машине находился Эйдукас. Это был последний день его пребывания в английской зоне оккупации. На следующее утро в группе перемещенных лиц он должен был отправиться в Литву.

Когда Петкявичус лихо подкатил к особняку, Тулбис уже ждал его. Вместе с Тулбисом тут же был майор Рамулис, еще двое видных националистов, с которыми полковник успел познакомиться Петкявичуса и которые также были приглашены разделить компанию, и, конечно, охрана полковника.

Гости разместились в двух машинах. Впереди ехал Петкявичус с Эйдукасом и двумя своими новыми друзьями, а сзади шел огромный “мерседес” полковника, в котором рядом с шофером восседал сам Тулбис, на задних же сиденьях разместились майор Рамулис и четыре вооруженных охранника.

Когда подъехали к вилле, было около семи часов вечера. Далеко за песчаными дюнами солнце опускалось в море, золотя лучами верхушки деревьев и крыши одиноких зданий.

Привратник распахнул настежь массивные двустворчатые ворота, и машины одна за другой прошуршали по усыпанной гравием дороге.

Петкявичус снимал двухэтажную просторную виллу, уставленную претенциозной мебелью. В нижнем этаже располагалось несколько гостиных, курительная комната, бильярдная, обширная столовая. На втором находились спальни и кабинет хозяина.

Рядом с виллой пристроился флигель, соединенный с основным зданием крытым коридором. Там был сервирован стол для охраны полковника, которую не забыл гостеприимный хозяин.

Гости и хозяин расположились в курительной комнате. Полковник рассказывал игривые анекдоты и сам принимался хохотать первым. Мастером анекдотов, причем порою довольно тонких, оказался Рамулис. В отличие от полковника его лицо сохраняло каменное выражение и сам он собственному рассказу не смеялся.

Так прошло около часу, и Петкявичус пригласил своих гостей ужинать. Стол буквально ломился от яств и напитков.

Полковник Тулбис удовлетворенно крикнул и уселся во главе стола (Петкявичус указал ему на это место), заправив толстыми, как сардельки, пальцами салфетку за воротник. Остальные уселись несколько поодаль. Пир начался. Тосты следовали один за другим, причем чем больше хмелели гости, тем воинственнее становились тосты: “За освобождение Литвы от ига большевиков! За гибель Советов! За новую освободительную войну!”

Петкявичус также изредка провозглашал тосты, но совсем иного рода: “Да сбудутся желания каждого из нас! Да сопутствует каждому из собравшихся удача! За достойное завершение всех наших начинаний!”

Часов около двух ночи полковник изрядно опьянел, и хозяин предложил ему пройти наверх, в специально приготовленную для него комнату.

Полковник с трудом выбрался из-за стола и, опираясь на руку Петкявичуса, не очень твердо держась на ногах, тяжело зашагал на второй этаж.

Возле дверей спальни, предназначенной для полковника, дежурил один из его охранников. Он тоже слегка осовел (охранников, как и их хозяина, угостили обильно), но на ногах держался уверенно. Другой охранник находился на улице, у входа, остальные ужинали.

— Смотрите! — Тулбис с пьяной ухмылкой погрозил охраннику пальцем.

— Полковник! — укоризненно заметил Петкявичус. — Здесь! У меня! Чего тут опасаться?

Полковник промолчал и вновь погрозил пальцем. На этот раз хозяину виллы.

Петкявичус провел полковника в комнату, усадил в удобное кресло и подал стакан минеральной воды. Тулбис опустошил стакан, откинулся на спинку кресла и тут же начал тихонько похрапывать. Петкявичус вышел из комнаты, сказал охраннику, что полковник уснул, и спустился вниз, к остальным гостям. Веселье продолжалось.

Первым поднялся Эйдукас.

— Извините, господа, но мне надо быть в городе. Как-никак, а завтра утром я должен... — Он умолк, ограничившись выразительным жестом. — Господин Петкявичус, чем вы можете мне помочь?

— Нет ничего проще, — сказал Петкявичус. — Сейчас разбудим моего шофера, и он доставит вас в Любек. Господа, никто не хочет воспользоваться машиной, а то она вернется не скоро? Туда и обратно — конец не малый...

— Как, майор, — обратился Эйдукас к Рамулису, — едешь со мной?

— С тобой?! — воскликнул Рамулис, поднимая бокал. — С тобой хоть на край света, но... не сейчас. Уйти из-за такого стола? Да за кого ты меня принимаешь?! Нет, мы еще погуляем! — Рамулис заговорщически подмигнул Петкявичусу. — Верно, дружище?

— Конечно, конечно, — нехотя согласился Петкявичус — А вы, господа, — адресовался он к приближенным полковника, — не желаете воспользоваться машиной? А то до города далеко, когда будет другая оказия, сказать трудно.

Намек Петкявичуса был предельно ясен. Один из гостей после непродолжительного колебания согласился, но другой уперся: нет, никуда он без Рамулиса и полковника не поедет. Если вместе приехали, то все вместе и уедут. Только так. В голосе его слышались нотки пьяного раздражения и какой-то подозрительности.

— Боже ты мой! — поспешно воскликнул Петкявичус. — Уж не подумали ли вы, что я жду вашего отъезда? Да сохрани бог! Нет, мы простимся с нашими друзьями, которые торопятся уехать, а сами продолжим веселье.

Проводив Эйдукаса и одного из националистов, остальные трое вернулись к столу. Петкявичус беспрестанно угощал то одного, то другого своего собутыльника. Те пили, не отказываясь, но ни Рамулис, ни отказавшийся уехать гость заметных признаков опьянения не выказывали, причем время от времени недоверчивый гость бросал на Петкявичуса злобные, подозрительные взгляды.

Чем дальше, тем хозяин виллы заметнее хмелел. В третьем часу пополуночи язык у него стал окончательно заплетаться. Чуть пошатываясь, он поднялся и во всеуслышание заявил, что кажется “готов”.

— Извините, друзья, — лопотал, хихикая, Петкявичус, — но я вас покидаю. Такие партнеры мне не под силу. У нас, в Штатах, так не умеют. Я пошел спать. Бай-бай!.. А вы... вы продолжайте!..

Петкявичус покачнулся и направился к выходу из столовой.

— Эх ты, — с укоризной сказал Рамулис, — а еще литовец! Мужчина. Ну какой же ты мужчина? Впрочем, тебе, как видно, действительно лучше прилечь. А мы останемся. Мы продолжим. Верно? — Рамулис повернулся к изрядно осоловевшему собутыльнику.

— Да, да, — согласился тот. — Продолжим. Только сначала проводим господина Петкявичуса в его спальню. Бай-бай! Обязательно проводим, а то он еле держится на ногах...

— Правильно, — подхватил Рамулис. — Проводим! Ты — настоящий друг, не бросаешь товарища в беде. На тебя можно вполне положиться!

Втроем они поднялись на второй этаж, в спальню хозяина виллы, смежную с комнатой, в которой беспробудным сном спал полковник Тулбис. Удостоверившись, что Петкявичус благополучно добрался до своей кровати, гости пожелали ему спокойной ночи и спустились вниз, в столовую.

Минут пять Петкявичус неподвижно лежал, затем тихо поднялся, крадучись подошел к двери и дважды повернул ключ в замке. От его опьянения не осталось и следа. Он действовал быстро и уверенно.

Ни Рамулис ни его оставшийся единственный собутыльник, никто из охраны полковника не знали, что из спальни хозяина виллы было еще два выхода: один вел в комнату Тулбиса, другой по винтовой лестнице выходил в сад.

События развертывались своим чередом. Часов около двенадцати ночи возле стены, опоясывавшей парк, в котором была расположена вилла, со стороны, противоположной той, где находились ворота, остановился большой крытый “хорьх” черного цвета. Из машины вышли двое. Они отперли имевшимся у них ключом небольшую калитку, укрытую густым кустарником от постороннего глаза. Судя по их уверенным действиям, они проделывали подобную операцию не впервые.

Очутившись в парке, незнакомцы бесшумно двинулись к дому, укрываясь в тени деревьев. Подойдя к вилле почти вплотную с той ее стороны, на которую выходили окна спальни владельца виллы и его гостя, полковника Тулбиса, они замаскировались в разросшихся кустах и принялись наблюдать.

Через несколько минут из-за угла дома показалась фигура охранника. Он шел пошатываясь и что-то тихо напевал себе под нос. Пройдя вдоль стены, охранник скрылся за углом. Один из незнакомцев молча положил другому руку на плечо, а тот, так же молча, кивнул в ответ.

Прошло около часа. Охранник появился вновь и опять исчез за противоположным углом. Незнакомцы не подавали признаков жизни.

Часов около трех утра, когда уже начал брезжить рассвет, в спальне хозяина виллы вспыхнул свет, тут же погас, а минуту спустя зажглась настольная лампа. В тот же миг один из незнакомцев кинулся к углу дома, из-за которого перед этим появлялся охранник, и плотно прижался к стене, а другой, тот, что был пошире в плечах, вынырнул из кустов и скрылся в малоприметной двери, открывавшей вход прямо к винтовой лестнице, что вела в спальню хозяина. Наверху его уже ждал Петкявичус.

— Ну как? — спросил незнакомец.

— Я всыпал ему снотворного. — Петкявичус кивнул в сторону комнаты, где сном праведника спал полковник Тулбис. — Часов за двенадцать — пятнадцать сна ручаюсь. Дверь из его комнаты в коридор я запер изнутри. А вот остальные... С остальными хуже.

— В чем дело?

— Эйдукасу удалось увезти с собой только одного. Рамулис и еще один остались, причем последний явно настороже. Что-то, по-видимому, заподозрил. Мне еле-еле удалось от них отделаться. Но теперь нельзя терять ни секунды: кто их знает, что им еще взбредет в голову.

— Скверно, — сказал незнакомец. — Ну да ничего, справимся. Пошли.

Он уверенно направился к двери, что соединяла спальню с комнатой полковника. Было очевидно, что и тут он не впервой, и тут превосходно ориентируется.

Петкявичус последовал за ним. Полковника, все так же безмятежно похрапывающего в своем кресле, они вдвоем, не производя ни малейшего шума, перенесли в смежную комнату, заперли за собой дверь и, держа Тулбиса один за плечи, другой за ноги, начали медленно спускаться по винтовой лестнице.

В этот момент в дверь комнаты Петкявичуса постучали. Сначала тихо, потом громко, настойчиво.

Петкявичус и незнакомец остановились, молча поглядели друг на друга. Из-за двери неслись крики Рамулиса:

— Эй, дружище! Ты чего заперся? Открывай. У нас есть такой тост, такой тост...

— Нечего прятаться, — ревел второй. — Не так уж ты пьян, чтобы нас не слышать. Открывай, не то дверь высадим!..

— Я вернусь, попробую их задержать, а там будь что будет. Вы же не теряйте времени... — беззвучно, одними губами промолвил Петкявичус.

— Не дури, — прошептал незнакомец. — На тот свет всегда успеешь. Пока они будут возиться с дверью, у нас есть несколько минут. Опредим...

Они быстро снесли полковника вниз по лестнице. Вверху слышался грохот. Петкявичус осторожно приоткрыл дверь, ведущую в сад, и выглянул наружу. В предутреннем сумраке он разглядел второго притаившегося незнакомца. Тот, заметив Петкявичуса, решительно махнул рукой: торопитесь, пока путь свободен. А из виллы уже доносились грохот шагов, голоса, выкрики. Рамулис, протрезвившийся гость и охранники ломались в комнату Петкявичуса и в спальню полковника.

Петкявичус и первый из незнакомцев подхватили бесчувственное тело Тулбиса и скрылись в кустах. Второй скинул с плеча автомат и, не спуская глаз с двери, что вела из спальни Петкявичуса в сад, скрылся в кустах, прикрывая отход своих товарищей.

Едва он успел спрятаться, как дверь распахнулась и из нее выскочил с пистолетом в руке Рамулис, за ним помощник полковника и двое охранников.

Еще двое выбежали из-за угла здания.

Все они бестолково металась вдоль здания, крича и ругаясь.

— Туда! — Рамулис указал на кусты. — Не иначе, как они там. Вперед!

Сам он, однако, углубляться в кусты не торопился и старался укрыться за углом.

— Сейчас! Сейчас я им всыплю! — Один из охранников сорвал автомат и полоснул очередью по кустам. Пули прошили листву на верхушках деревьев.

— С ума сошел, — злобно прошипел помощник Тулбиса, успевший в последнее мгновение направить вверх ствол автомата. — Там же с ними полковник...

Посоветовавшись несколько минут, преследователи цепью двинулись в кусты, держа оружие наготове. Шли они медленно, осторожно, беспрестанно перекликаясь: никто из них не желал рисковать собой.

Петкявичус и его друзья значительно опередили преследователей. Они быстро пересекли парк и нырнули в калитку. Петкявичус уселся на заднем сиденье, полуобняв за плечи обмякшего полковника, остальные двое сели впереди. Мотор взревел, и черный “хорьх” рванул с места, быстро набирая скорость.

Услышав шум мотора, Рамулис и его спутники выскочили на дорогу. Она была пуста.

Обшарив сад, они вернулись в дом. Тщетно Рамулис пытался связаться с Любеком. Телефон не работал.

Принялись допрашивать прислугу. Но все было напрасно. Все они были наняты два дня назад и ровно ничего не могли сказать о своем исчезнувшем хозяине.

Тогда Рамулис, помощник Тулбиса и охранники кинулись к машине. Увы, она была выведена из строя.

На случайной машине они наконец добрались до Любека, чтобы сообщить о происшедшем нескольким наиболее влиятельным руководителям националистов. Те только после полудня пришли к решению поставить в известность англичан о случившемся, но представитель оккупационного командования заявил, что просит их не впутывать во внутренние дела литовских националистов.

Наконец вспомнили об Эйдукасе и послали за ним на квартиру, но он исчез...

Тем же утром возле английского контрольного пункта остановился черный “хорьх” майора Дроздова. За рулем, как обычно, сидел шофер, рядом, как обычно, майор. На полу задней кабины тоже, как часто бывало, лежал свернутый в рулон ковер.

— Алло, майор, — подошел дежурный офицер. — Счастливого пути! — Офицер приветливо помахал рукой.

— Счастливо оставаться! — ответил майор Дроздов.

Шлагбаум был поднят, “хорьх” медленно удалился в советскую зону. Едва он миновал контрольный пункт, где майора ждали, как набрал скорость и стремительно помчался к Берлину. Отъехав десятка два километров от демаркационной линии, машина остановилась, Дроздов открыл дверку машины. Внутри за скатанным в рулон ковром, блаженно посапывал все еще не проснувшийся полковник Тулбис...

Спустя сутки с небольшим, на Вильнюсском аэродроме приземлился самолет типа “Дуглас”, прибывший из Берлина. Едва самолет вырулил на стоянку, как к нему подкатил большой темно-синий лимузин, из которого вышел человек в военной форме, со знаками различия капитана Советской Армии на поблескивавших золотом погонах.

Дверца самолета открылась, и по выдвинутой экипажем лесенке на землю спустился сначала советский офицер, затем полковник

Тулбис и еще советский офицер — майор Дроздов. Полковник Тулбис растерянно оглядывался по сторонам — он все еще не мог толком понять, что с ним произошло.

Капитан, подъехавший на машине, шагнул навстречу прибывшим. Лихо вскинув ладонь к козырьку фуражки, он приветствовал майора Дроздова:

— Со счастливым прибытием, товарищ майор. Как добрались? Надеюсь, все благополучно?

Полковник Тулбис смотрел на капитана безумными глазами. А капитан как ни в чем не бывало обернулся к Тулбису и четко, внятно произнес:

— Рад и вас видеть, господин полковник. С благополучным прибытием в Советскую Литву. Хотите или нет, но вам придется меня извинить...

— М-м-м, — невнятно замычал полковник. — Го-господин Петкявичус? Это вы? Н-нич-чего не понимаю. — Тулбис схватился руками за голову, зубы его предательски лязгнули.

Капитан усмехнулся:

— Никак нет, господин полковник. Не Петкявичус. Разрешите представиться: капитан Аликас. Сотрудник Наркомата государственной безопасности Литовской Советской Социалистической Республики. Впрочем, если вам угодно, можете называть меня и Петкявичусом. Не скрою, я иногда ношу и это имя. Однако прошу. Машина ждет.

Не прошло и часа, как темно-синий лимузин подкатил к зданию Наркомата государственной безопасности Литвы. Аликас провел полковника Тулбиса к себе в кабинет, а майор Дроздов зашел в соседнюю комнату и снял телефонную трубку:

— Товарищ заместитель наркома? Здравия желаю. Докладывает подполковник Скворецкий: операция завершена, все прошло успешно, в соответствии с планом. Груз доставлен. Эйдукас? С Эйдукасом все в порядке. Не сегодня-завтра будет здесь, в Вильнюсе...

...На землю опустился тихий июльский вечер. Над поселком сгущались сумерки. Маренайте сидела в своей комнате одна, не зажигая света. Внезапно послышался тихий стук в дверь. Маренайте на мгновение застыла, затем кинулась к двери.

— Кто... Кто там?

— Это я... Не узнаешь? Я...

Девушка рванула дверь и кинулась на шею Валентинасу:

— Ты?.. Ты! Наконец-то!..

notes

Примечания

1

Абвер — наименование германской военной разведки.